

Петербургские
ЕЛЕНА
ПЕРВУШИНА
Женщины
XIX
века

Елена Первушина

Петербургские женщины XIX века

«Центрполиграф»

2013

Первушина Е. В.

Петербургские женщины XIX века / Е. В. Первушина —
«Центрполиграф», 2013

Первая книга Елены Первушиной вышла под названием «Петербургские женщины XVIII века». Перед вами вторая книга, которая рассказывает о судьбах жительниц Северной столицы в конце XIX – начале XX века. В это время в России назрел кризис, жить по-старому было уже нельзя. В политической борьбе женщины нашли ответ на «женский вопрос» XIX века. Они завоевали права, получили возможность строить свою жизнь по собственному выбору. Но тут же перед ними встал новый вопрос: как женщины могут преобразовать общество, сделав его более справедливым и комфортным для себя и для мужчин? Искать ответ на него пришлось уже женщинам XX века... В книге приводится множество цитат, как правило, из малоизвестных и совсем незнакомых читателю произведений. Это не только мемуары и документы, но и художественные произведения, в которых авторы (нередко авторы-женщины) выражали свое отношение к тем или иным событиям, явлениям и проблемам общественной жизни.

© Первушина Е. В., 2013

© Центрполиграф, 2013

Содержание

Автор читателю	6
Вместо предисловия	7
Семейство Романовых	15
Главная семья России	15
Великие княжны	20
Рождение	20
Воспитание	23
Светская жизнь	33
Развлечения	39
Замужество	45
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Елена Первушина

Петербургские женщины XIX века

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Автор читателю

Перед тем, как уважаемый читатель обратится к тексту книги, хочу его кое о чем предупредить.

Книга называется «Петербургские женщины. XIX век», однако в ней будет немало сказано и о XX веке. Дело в том, что границы исторических периодов часто не совпадают с формальными границами веков. В частности, для русской истории XIX-XX века более логично провести рубеж в пределах 1917 года, когда вся общественная система Российской империи была сломана. Поэтому большинство историй, связанных с концом XIX века, в моей книге заканчиваются в 1917 году, то есть захватывают и начало XX века.

В книге приводится множество цитат, как правило, из малоизвестных и совсем неизвестных читателю произведений. Это не только мемуары и документы, но и художественные произведения, в которых авторы (нередко авторы-женщины) выражали свое отношение к тем или иным событиям, явлениям и проблемам общественной жизни. На мой взгляд, эти цитаты гораздо лучше выражают «дух эпохи», нюансы чувств и отношений, чем их пересказ нашими современниками. Я хотела дать возможность женщинам XIX века говорить с вами напрямую, минуя фильтры мышления XXI века. Однако это решение повлекло за собой некоторые издержки. В частности, написание и толкование некоторых терминов и слов в произведениях и высказываниях авторов может различаться.

Вместо предисловия

Счастливая женщина и женское счастье

В 1807 году французская писательница Жермена де Сталь издала свой второй роман «Коринна, или Италия», который вызвал бурные обсуждения во всей образованной Европе, читавшей по-французски без словаря.

«Коринна» посвящена женскому вопросу именно в той его постановке, что была актуальна в начале XIX века: «Как может существовать женщина, интеллектом и талантом равная мужчине?» Не «как она может возникнуть?» – это человечеству рассказали просветители XVIII века, а «как она сможет выжить и вписаться в современное общество?»

Героиня романа Коринна как раз такая особенная женщина. Полуангличанка-полуитальянка, она обладает итальянским художественным вкусом, развитым, как у титанов Возрождения, британским интеллектом, равным интеллекту Бэкона и Томаса Мора, и уникальным поэтическим талантом. Она женщина свободных нравов и одновременно безупречной нравственности. Не будучи замужем, она не чуждается мужчин, восхищенных ее умом и талантом, и собирает щедрую дань восторгов, не переходя при этом в общении с мужчинами границ интеллектуальной дружбы.

Роман начинается с того, что восхищенные талантом Коринны итальянцы на развалинах Капитолия венчают ее чело лавровым венком. За этим ритуалом наблюдает лорд Освальд Нельвиль и тут же влюбляется в Коринну. Больше всего его пленяет, что Коринна при всех своих «мужских» достоинствах остается прекрасной и скромной женщиной.

«В глубине огромного зала ждал сенатор, который должен был возложить на Коринну лавровый венок, рядом с ним стояли старейшие сенаторы-хранители; по одну сторону зала расположились кардиналы и самые знатные дамы Италии, по другую – писатели, члены Римской Академии; в противоположном конце зала теснился народ, сопровождавший Коринну. Кресло, предназначенное для нее, было поставлено на одну ступень ниже, чем кресло сенатора. Прежде чем сесть, Коринна должна была, по принятому обычаю, взойти на первую ступень и опуститься перед лицом всего высокого собрания на одно колено. Она это сделала с таким благородством и скромностью, с такой мягкостью и достоинством, что у лорда Нельвиля на глаза навернулись слезы; он сам подивился своей чувствительности, но ему почудилось, что окруженная почетом и блеском Коринна молит взглядом о помощи, о помощи друга, без чего не может обойтись ни одна женщина, как бы высоко ни вознесла ее судьба; он подумал о том, как было бы сладостно служить опорой той, которая нуждается в защите лишь потому, что от природы она нежна и добра».

Коринна умеет элегантно и изящно признать власть любимого мужчины над собой, как она это делает, исполняя народный танец на балу.

«В неаполитанском танце есть момент, когда дама опускается на колени, а кавалер кружится над нею и не только как господин, но и как победитель. Как была хороша, как была величава в это мгновение Коринна! Как царственна была она коленопреклоненная! И когда она вскочила и ударила в свой легкий кимвал (античный музыкальный инструмент, представляющий собой небольшую бронзовую тарелку, посреди которой прикреплялся ремень или веревка для надевания на правую руку. Кимвал ударяли о другой кимвал, надетый на левую руку – *Е. П.*), то казалось, что ей, упоенной радостью жизни, молодостью и красотой, никто не был нужен для полноты счастья. Но, увы! Это было не так! Однако Освальд этого боялся и выпускал вздохи, любясь Коринной, словно успех ее их разлучил. В конце танца уже кавалер падает на колени, а дама танцует вокруг него. Коринна в это мгновение превзошла самое себя: она так легко кружилась, что ее ножки в тонких башмачках летали по полу с быстротою молнии; а когда

она одною рукой потрясала тамбурином над головой, а другою – сделала знак графу д'Амальфи подняться, все мужчины были готовы броситься, подобно ему, перед ней на колени».

Но лорд Нельвиль понимает, что это «признание» – всего лишь иллюзия. На самом деле дух Коринны, ее гений свободны, ими нельзя обладать, даже будучи ее любовником или мужем.

«Он убедился, как велико и неоспоримо ее истинное превосходство над общепринятыми нормами морали. Но он хорошо понимал также, что Коринна не слабая и робкая женщина, которую смущает все, что выходит за пределы ее семейных привязанностей и семейного долга, одним словом, совсем не та женщина, какую он мысленно избрал себе в подруги жизни; к этому идеалу скорее приближался образ двенадцатилетней Люсиль, но кто же мог сравниться с Коринной? Можно ли применять обычные законы к женщине, одаренной столькими достоинствами, талантом и тонкой чувствительностью? Коринна, конечно, была чудом природы, но разве не было чудом то, что подобная женщина остановила свое внимание на нем? И каково же ее настоящее имя? каково ее прошлое? на что решится она, когда он признается ей в своем желании навек соединить свою судьбу с ее судьбой? Все это тонуло во мраке неизвестности, и, хотя Освальд, увлеченный Коринной, готов был жениться на ней, мысль о том, что жизнь ее не во всем была безупречной и отец его, безусловно, осудил бы этот брак, снова приводила его в смятение и погружала в мучительную тревогу».

Конец предсказуем: после четырехсот страниц метаний Освальд все же выбирает добродетельную Люсиль (которая оказывается младшей сестрой Коринны) и сочетается с ней законным браком, а Коринна умирает в Италии от любовной тоски. Невозможность «простого женского счастья» для нее так же невыносима, как для обычной женщины, не блещущей умом и талантами.

* * *

В 1812 году мадам де Сталь побывала в России, захваченной наполеоновскими войсками, и написала о своих впечатлениях в книге «Десять лет изгнания». Эти мемуары были не слишком доброжелательно встречены в России, так как их сочли недостаточно комплиментарными. Анонимный рецензент из «Сына Отечества» упрекал француженку в «ветреном легкомыслии, отсутствии наблюдательности и совершенном неведении местности» и писал, что «робкая душа нашей барыни» не позволила ей узнать суровые прелести России. Анонима одернул А.С. Пушкин, написав: «О сей барыне должно было говорить языком вежливым образованного человека. Эту барыню удостоил Наполеон гонения, монархи доверенности, Байрон своей дружбы, Европа своего уважения, а г. А.М. журнальной статейки не весьма острой и весьма неприличной. Уважен хочешь быть, умеи других уважить». Как отметил поэт, «взгляд быстрый и проницательный, замечания разительные по своей новостности и истине, благодарность и доброжелательство, водившие пером сочинительницы, – все приносит честь уму и чувствам необыкновенной женщины».

Пушкин знал, о чем говорил: проза мадам де Сталь быстро завоевала популярность в России. Приятельницу поэта Зинаиду Волконскую, хозяйку одного из литературных салонов, в знак уважения к ее талантам прозвали «северной Коринной». И она была не единственной русской женщиной, удостоившейся этого имени.

* * *

В середине XIX века, а точнее в 1848 году, еще одна русская поэтесса написала:

Вы ожидали, что Коринной
Я вдохновенной вам явлюсь,

И вечной песнью, песнью длинной
Назло ушам вооружусь.
Вы думали, – своею славой
Гордится женщина-поэт,
И горькой, гибельной отравы
В ее блестящей чаше нет?
Вы думали, что стих мой страстный
Легко, шутя достался мне,
И что не куплен он в борьбе,
Борьбе мучительной, ужасной?
Вы думали – от жизни много
Улыбок насчитала я?
О дети, дети!.. Слава богу,
Что вы не поняли меня!..
Нет, – не Коринна перед вами
С ее торжественным венцом,
А сердце, полное слезами,
Кому страданья мир знаком!

Эти строки принадлежат перу Евдокии Ростопчиной. Она родилась и жила в XIX столетии – золотом веке русской культуры. Она принадлежала к высшему слою русской аристократии. В ее жизни были и слава, и большая любовь – пусть недолгая. Ей посвятил стихи Лермонтов. Она получила в дар от Жуковского тетрадь Пушкина с таким напутствием: «Посылаю вам, Графиня, на память книгу, которая может иметь для Вас некоторую цену. Она принадлежала Пушкину; он приготовил ее для новых своих стихов и не успел написать ни одного; мне она досталась из рук смерти, я начал ее; то, что в ней найдете, не напечатано нигде. Вы дополните и dokonчите эту книгу его. Она теперь достигла настоящего своего назначения». Она была долгие годы своеобразным эталоном «новой женщины» – не светской пустышкой, не записной кокеткой, а образованной женщиной, поэтессой, хозяйкой литературного салона.

Но была ли она счастлива?

Евдокия Ростопчина – светская дама по праву рождения и писатель по призванию – всю свою жизнь пыталась найти равновесие между двумя этими ролями.

Она унаследовала поэтический талант по отцовской линии: ее бабка по отцу Мария Васильевна Сушкова была переводчиком «Потерянного рая» Джона Мильтона, дядя и отец писали стихи. Однако Евдокия Сушкова воспитывалась в семье Пашковых – деда и бабки по матери – светских людей, ставивших превыше всего хороший тон и в связи с этим подозрительно относившихся к изящной словесности, заражавшей девушек непозволительными мечтаниями.

Она получила классическое образование светской девушки: закон Божий, русский, французский и немецкий языки, рисование, игра на фортепиано, танцы. К тому же, чтобы расширить свой круг чтения, Евдокия самостоятельно выучила английский и итальянский.

Е. Ростопчина

Свои первые стихи она опубликовала в 17 лет за подписью «Д....а». А в 21 год, выходя замуж, Евдокии пришлось выдержать тягостную сцену – бабушка заставляла ее поклясться на образе, что она откажется от сочинительства, так как такое занятие не подобает дворянке. Евдокия обещания не дала, а наоборот, выйдя замуж, стала активно печататься в московских и петербургских журналах. Ее стихи заслужили благосклонное внимание критиков, с ней знакомятся А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, В.А. Жуковский, П.А. Вяземский, В.А. Соллогуб. Но Евдокия снова скрыла свое авторство под псевдонимом.

Только через девять лет после первой тайной публикации она решилась напечатать стихи под собственным именем. Книгу похвалил В.Г. Белинский, однако попенял автору за то, что ее талант не нашел «более обширную и более достойную сферу, чем салон».

* * *

Еще шесть лет спустя Евдокия Ростопчина сделала первый шаг за пределы «салона». В «Северной пчеле» была опубликована ее баллада «Насильный брак» – политическая сатира, посвященная политике Российской империи в отношении Польши.

Замечательно, что в этом стихотворении поэтесса отстаивает честь и достоинство порабощенной земли устами женщины:

Раба ли я или подруга —
То знает Бог!.. Я ль избрала
Себе жестокого супруга?
Сама ли клятву я дала?..
Жила я вольно и счастливо,
Свою любила волю я;
Но победил, пленил меня
Соседей злых набег хищливый.
Я предана, я продана —
Я узница, я не жена!

....

Он говорить мне запрещает
На языке моем родном,
Знаменоваться мне мешает
Моим наследственным гербом;
Не смею перед ним гордиться
Старинным именем моим
И предков храмам вековым,
Как предки славные, молиться...
Иной устав принуждена
Принять несчастная жена.

Послал он в ссылку, в заточенье
Всех верных, лучших слуг моих;
Меня же предал притесненью
Рабов – лазутчиков своих.
Позор, гоненье и неволю
Мне в брачный дар приносит он —
И мне ли ропот запрещен?
Еще ль, терпя такую долю,
Таить от всех ее должна
Насильно взятая жена?..

Стихотворение вновь было опубликовано без подписи, но читатели легко угадали автора. Многие, однако, полагали, что на самом деле Ростопчина имела в виду собственные отношения с мужем. Цензура, однако, придерживалась первой версии, и поэтесса попала в опалу – ей запретили въезд в Петербург. Супруги поселились в Москве.

Ростопчина вновь пытается быть одновременно и поэтом, и светской дамой. Она организует собственный литературный салон. Среди ее гостей – Ф.Н. Глинка, С.А. Соболевский, А.Ф. Вельтман, автор причудливых романтических повестей и бытовых романов; «молодые литераторы» – А.Н. Островский, Л.А. Мей, А.Н. Майков. На приемах у Ростопчиной бывает Л.Н. Толстой. Но большинство гостей на вечерах скучали, особенно когда хозяйка читала собственные произведения, и не стеснялись позже рассказывать об этой «смертельной скуке» в своих письмах и мемуарах. Откровения женской души вызывали зевоту у литературной молодежи. А публицисты нового времени Н.П. Огарев, Н.Г. Чернышевский и В.Г. Добролюбов обрушивались на произведения Ростопчиной с сокрушительной критикой. Эту особенность, бывшую для Белинского лишь понятной слабостью, Чернышевский и Добролюбов расценивали как непростительную близорукость. А зря.

Чего у Ростопчиной было не отнять, так это того, что она была честна перед собой и читателями – что видела, о том и пела. Она видела, как светская фальшь и лицемерие уродуют женские характеры и женские судьбы, и гневно обрушивалась на светское общество. Она открыто провозглашала право женщины любить того, кого выбрало ее сердце, а не того, с кем ее сочетали законным браком родители, прежде чем она успела что-то почувствовать. У нее была своя маленькая война – вой на за право женщины быть счастливой. И очень жаль, если умные и талантливые мужчины, окружавшие ее, соглашались с предрассудками своего века и наперебой твердили, что право женщины быть собой, ее право на счастье – это «смертельно скучные» материи, интересные разве только салонным барышням. Понадобились талант и авторитет Льва Толстого, чтобы эти темы вновь зазвучали в полную силу в «Анне Карениной». Однако Толстой бросает на трагедию Анны мужской взгляд – снисходительный и все же осуждающий. Ростопчина же в повести «Поединок» и в романе «Счастливая женщина» показывает адюльтер глазами женщины и утверждает нравственное превосходство любви и искренности над светскими условностями.

И снова, как это ни смешно, цензура оказалась прозорливее: роман Евдокии Ростопчиной «Счастливая женщина» преодолевал ее с большим трудом, понадобилось вмешательство Л.А. Мея, чтобы его напечатали.

* * *

Идеальная женщина в представлении Ростопчиной достаточно традиционна: это именно Женщина, существо чувствительное, возвышенное, мечтательное и надежно оторванное от грубой реальности.

«Да, по книгам можно и должно судить о читателе. И потому мне всегда дико, жалко и больно, когда я вижу молодых женщин нашего времени, читающих усердно и жадно – Поль де Кока! И только одного Поль де Кока, или, пожалуй, еще бойкие вымыслы Евгения Сю, Сулье, молодого Дюма... да Диккенса – этого представителя реализма, то есть осуществления в лицах всех пошлостей и ничтожностей дюжинного человека – Диккенса, талантливого и добросовестного, но заблуждающегося коновода целых сотен бездарных производителей так называемой новейшей мещанской литературы, – литературы, имеющей целью не возвышать мысль и не воспламенять душу к служению высокому и прекрасному, а единственно выводить под самыми яркими красками все обыденное, всякому понятное и знакомое, – писала Евдокия Ростопчина в романе „Счастливая женщина“. – По несчастью, это противоэстетическое направление достигло теперь величайшего развития и, как зараза, овладело вкусом нового поколения. Но каково же слышать похвалы ему между женщинами, прежде стражами божественного огня поэзии и красоты! Это производит такое же впечатление, как вид молодой, прелестной девушки, срисовывающей, потупя глазки, с примерною рачительностью и тщательностью Поль-Поттерову корову. Вообще положительность и натуральность мне кажутся не принадлежностью женщины...»

Однако, если «положительная» читательница мещанской литературы далека от идеала, то не менее далека от него и светская кокетка. С воспитанием светской барышни Ростопчина знакома не понаслышке и не питает по его поводу никаких иллюзий.

«Вообще у светских людей и в светских семействах, воспитывая девушек, только стараются развить их для света, а не для них самих, только хлопочут об одном внешнем усовершенствовании их, придают им тот блестящий и все сглаживающий лоск светскости, который должен выказаться в наилучшем виде. Таланты, осанка, поступь, наружная изящность обращения, заученная наперед стыдливость – вот что у слишком многочисленных родителей почитается главными условиями модной девушки, высоко поставленной в обществе женщины, высшею степенью совершенства и достоинства. Для этих блестящих качеств мотыльковской натуры,

для этой раззолоченной пыли, стряхиваемой в глаза людям с легких крыльев великосветской бабочки, слишком часто жертвуется всем внутренним, глубоким, нужным и спасительным. Где преподают девушке прямую и грустную науку жизни? Где приготавливают ее к борьбе, к испытанию, к душевному изнеможению, слишком часто ожидающим ее на житейском поприще? Где твердые основы всякого воспитания – учение горьких и глубоких истин жизни, стойкость убеждений и самопожертвование, внушаемое заранее ради веры и христианского самоотречения?.. Где, наконец, истолкование о долге, об обязанностях, о всех тяжких, но неизбежных тайнах, ожидающих женщину на ее земном пути, – и для которых ей нужно бы запастись такою теплою верою, таким сильным чувством строгого долга, таким терпением и такою твердостью?

Нет, этого обыкновенно не имеют в виду в светском воспитании, в развитии дочерей и девушек тех семейств, которые живут и вращаются в мелочах и суэтах не общественной, а общепринятой светской жизни! Но зато обычай, тон, приличие, все условное, все принятое имеют между ними силу закона и до известной степени, покуда... до слишком потрясающего столкновения женщины с искушениями и трудностями жизни, заменяют ей все то, что не дало ей ложно направленное ее воспитание, все то, чего недостает в ее уме, в ее душе для защиты и ограждения ее...

...китайцы, понимая и зная натуру своих женщин и боясь не уметь обуздать их, вздумали назвать красотою недоразвитие женских ног – и придумали целую систему отвратительных мер и жестоких мучений, чтобы умалить, изуродовать эти бедные ноги и тем приковать вернее и прочнее, чем цепями, целые поколения хромых жен к их домашней, безвыходной, недвижной жизни. У нас, европейцев, не ноги с детства умалены и стеснены в неумолимых колодках, а умы женщин и понятия их вырабатываются и ограничиваются по известной форме, упрочивающей потом на всю жизнь не подвижность моральную и заключение души в пределах, ей назначенных. Оно вернее!.. так просвещенные народы употребляют мало-помалу составленный кодекс утеснительных понятий и условий, который и раздается преимущественно женщинам высшего круга и, если он принят и соблюден в точности, приготавливает их как нельзя лучше к искусственной, мелкой, условной жизни, им предназначенной. ...И если вместо женщины, твари разумной, одаренной бессмертной, всеобъемлющей душою, любящим сердцем и светлым умом, из тепличек и клеток домашнего воспитания выходит часто безмозглая кукла, способная только наряжаться и отмалчиваться на все вопросы жизни, – что же за беда?.. Ведь иногда кукла безвреднее и особенно сподручнее женщины; кукла не имеет ни личного мнения, ни слишком больших требований; кукла везде поместится, не стесняя никого, а женщина, пожалуй, могла бы... Да что тут долго спрашивать! Многие поймут и оценят все отрицательные достоинства и преимущества куклы пред женщиной! Оттого-то кукле так все и удается в свете и на свете!»

Героиня романа «Счастливая женщина» Марина получила от жизни все, что нужно для счастья – счастья, скроенного по светской мерке. Она красива, у нее приличное состояние, «богатый дом и шегольской экипаж, лакомый обед и модное платье», и при том ее муж совсем не интересуется ею и не требует от нее исполнения супружеских обязанностей. И все же она несчастлива.

«Сначала Марина, как все женщины очень молодые, вертелась и забавлялась в вихре всех рассеянностей и всех удовольствий шумного света. Потом пустота и суэта этой жизни без цели и без причины, вечно праздничной и вместе с тем вечно будничной в ее тревожном однообразии и однообразном треволнении, – все это ее утомило, – и она стала себя спрашивать, для того ли она на свете и затем ли родилась, чтобы получать и отдавать визиты, примерять и изнашивать прежде всех новомодные наряды и хоронить блестящие балы, встречаясь лицом к лицу с бледной северной зарею, когда она уезжала полусонная и усталая из душных залов, а заря, вставая лениво и как будто неохотно из-под мягкого одеяла сизо-розовых облаков, показыва-

лась ей предвестницей нового дня, ничем не отличенного от вчерашнего, ничем не розного со всеми предыдущими?..

Год-другой прошел еще, покуда Марина не умела или просто не хотела разрешить себе этих вопросов. Иногда неясные еще, но уже волнующие мысли, чувства, побуждения возникали и проявлялись в этой молодой, пробуждающейся душе, смущая ее своими намеками, своими загадочными вопросами. Искушение парило уже над ее безмятежной головою и, мало-помалу развертывая перед нею соблазнительную логику своих умствований и наущений, играло в глубине ее мыслей роль змея, соблазнившего Еву. Снова для Евиной правнучки в тысячном поколении свершалось испытанное столь многими дочерьми и внуками общей пра-родительницы – возобновлялась эта вечная драма женщины, тоскующей, пытливой и праздной, раздумывающей о своей участи и недовольной ею. Снова женщине надоедало ее безбурное неведение, ее неполное существование, и она начинала волноваться и колебаться, сманиваемая в мир познания всем ее окружающим и всем в ней трепещущим. Дерево добра и зла, пугающее сначала неопытных и понемногу заманивающее их под свою таинственную тень, вдвое привлекательную запрета ради, и манило ее, и притягивало ее издали обаятельными обетами... И тем опаснее было это обаяние, тем сильнее его навевание, что бедная женщина изнемогла от сердечной усталости одиночества, от жажды и голода, утомивших ее душу в аравийской пустыне ее жизни, ничем и никем не населенной».

Но где же женщина может обрести полноту и смысл своего существования? Для Ростопчиной ответ однозначен – в любви. «Нравиться и быть любимой – два условия женского бытия, и если найдутся иные, которые от них отказываются, то это какие-то аномальные существа, исключения».

Марина влюбляется в молодого образованного дворянина Бориса Ухтомского, но хотя ее любовь и разделенная, Марина не обретает в ней счастья. Мать Бориса вовсе не в восторге от его связи с замужней женщиной, она хочет выгодно женить сына. Борис не находит в себе сил, чтобы решительно противостоять матери, и после нескольких лет метаний оставляет Марину. В финале романа немногочисленные друзья Марины плачут на могиле «счастливой женщины, убитой своим счастьем».

Евдокия Ростопчина умерла в 1858 году 47 лет от роду. И своей жизнью она словно ответила на вопрос, поставленный автором «Коринны». Да, женщина может быть умна, как мужчина и талантлива, как мужчина. Она даже может быть достаточно храброй, чтобы стать выше предрассудков своего времени. Но общественные условия, которые кажутся незыблемыми, связывают ее про рукам и ногам. Мужчины могут сочувствовать ей, но не могут помочь. Ведь те самые законы общества, что убивают свободный дух в женщине, поддерживают мужчину и дают ему права хозяина жизни. Бороться против этих прав неблагоприятно, да и вообще невыносимо. Различия в правах и возможностях между мужчиной и женщиной так же незыблемы, как различия между имущими и неимущими. И пройдет еще больше полувека, прежде чем эти различия разом падут.

А пока Россия – царство традиции. И Коринна с Мариной, две несчастных души, застыли, обнявшись, плача о своем погубленном счастье.

Семейство Романовых

Главная семья России

В 1894 году маленькая Саша Яновская, еврейка, живущая в польском городе Вильно, героиня автобиографической повести Александры Бруштейн «Дорога уходит вдаль», узнала важную новость: «Через несколько дней после этого, перед четвертым уроком, в класс входит Дрыгалка. Она поднимает вверх свою сухонькую ручку, требуя тишины.

– Дети... – говорит она грустным голосом. – У нас большое горе, дети... Тяжкая болезнь поразила нашего обожаемого монарха, государя императора Александра Александровича... Весь народ молится о его благополучном исцелении... Сегодня после большой перемены уроков больше не будет: в нашей домовой церкви будет отслужено молебствие о здравии государя императора. Все воспитанницы католички и инославные могут идти домой. Православные должны остаться на молебствие...

В общем, все выслушали Дрыгалкино сообщение, никто не огорчился. Одна только Женя Звягина сказала:

– Бедненький мой царь... Бедненький дуся!

Но Женя Звягина, всем известно, обожает портрет Александра Третьего в актовом зале. Она даже записки ему пишет! В трудные минуты жизни, когда она не выучила какого-нибудь урока и боится, что ее вызовут к доске, Женя пишет на маленьком листочке бумаги:

„Дуся царь, пожалуйста, пусть меня не спрашивают по арифметике, я вчера не успела приготовить“.

Эту записочку Женя, подпрыгнув, старается забросить так высоко, чтобы она перелетела поверх громадного портрета и упала позади него. Если это удастся и записка не падает обратно, долетев до цели, – значит, все хорошо: не спросят. Наверное, при осенней и весенней уборке, когда полосатки чистят за портретами, оттуда выгребают груды Жениных записочек, адресованных „дусе царю“.

Итак, болен царь. Тот самый, о котором поется в песне „Славься“:

Славься, славься, наш русский царь,
Господом данный нам царь-государь!..

Вот этот самый царь-государь Александр Третий болен. Тяжело болен!

Это тянется довольно долго. Сперва его перевозят в Крым, в Ливадию. Там, во дворце, он лежит, окруженный членами своей семьи и самыми знаменитыми врачами.

А по всей огромной России повторяют: „Государь умирает... Государь умирает... Государь умирает...“ В газетах пишут, что болезнь государя повергла весь народ в глубочайшую печаль, что церкви переполнены людьми, которые, плача, молятся о здравии государя. Однако это не заметно ни на улицах, ни в церквях, – по крайней мере, никто не выходит из церкви на улицу заплаканный».

Но это – реакция маленьких девочек в маленьком городе Вильно в далекой Польше, у которой всегда были своеобразные отношения с правящей в России династией. Однако, если мы откроем мемуары взрослых петербурженков, мы увидим там все то же обожание «дуси царя» и его близких, идеализированные образы царской семьи, не имеющие зачастую никакого отношения к реальным людям. Идет время, меняются правители, их жены и дети, а тон – восторженный, обожающий – остается прежним. И, конечно же, мемуаристки и мысли не допускают о том, что их восторг не разделяет «простой народ».

Вот, например, Варвара Головина рассказывает о путешествии Екатерины II в Крым: «Раз, когда карета Ее Величества находилась на очень крутой горе, лошади закусил удила и опрокинули бы ее, но жители окрестных деревень, сбежавшиеся, чтобы посмотреть на свою государыню, бросились к лошадям и остановили их. Многие при этом были убиты и ранены, но крики восторга раздавались непрерывно. „Да, я вижу, – сказал тогда император, – что вам не нужно стражи“».

Мария Фредерикс описывает празднование именин императрицы Александры Федоровны (жены Николая I) в Петергофе: «1-го июля, в день рождения императрицы, была всякий год громадная иллюминация по всему Петергофскому саду. Тысячи людей стекались со всех окрестностей Петербурга на этот так называемый Петергофский праздник. Весь сад представлял нечто весьма оригинальное несколько дней до и несколько дней после этого праздника. Публика и народ располагались бивуаком по всему саду; тут были палатки, навесы, столы, стулья, скамейки, койки, самовары, всякая посуда и проч. и проч. Государь и государыня всегда объезжали этот импровизированный лагерь; останавливались, разговаривая с народом и публикой. Тут был восторг и умиление и подавание прошений, и чего, чего тут не было!.. Однако не существовало в то счастливое время мысли о возможном покушении на жизнь священной особы русского царя! Он и его подданные составляли одну, тесно связанную семью».

Она же рассказывает о том, какой была императорская семья в повседневной жизни: «Самое мое светлое воспоминание детства, которое навсегда осталось запечатленным в моей памяти, это – когда я присутствовала на утренних завтраках членов царской семьи. Все они собирались каждый день к августейшей матери пить кофе. Что это была за картина, Боже мой! Во-первых, три красавицы великие княжны Мария, Ольга и Александра Николаевны, прелестные, полные обаяния, всякая в своем роде. Потом великие князья – один лучше другого. Какая дружба между ними была! Какая радость видаться снова утром! Все были так веселы, так счастливы, окружали родителей с такою любовью, без малейшей натяжки. Тут император Николай Павлович был самый нежный отец семейства, веселый, шутливый, забывающий все серьезное, чтоб провести спокойный часок среди своей возлюбленной супруги, детей, а позже и внуков. Император Николай I отличался своей любовью и почтением к жене и был самый нежный отец. А какую любовь умел он внушать и своему семейству, и приближенным! Правда, он сохранял всегда и во всем свой внушительно-величественный вид, и, когда заслышишь, например, его твердые приближающиеся шаги, сердце всегда забьется от какого-то невольного страха, но это чувство так перемешивалось с чувством счастья его увидеть, что в тебе происходило что-то такое, что трудно выразить и ни с чем сравнить нельзя, а когда он милостиво посмотрит и улыбнется своим полным обаяния взглядом и улыбкой, притом скажет несколько слов, то, право, осчастливит надолго».

А вот воспоминания Анны Вырубовой о ненавистной многим россиянам императрице Александре Федоровне (жене Николая II) и ее дочерях. Снова мемуаристка всячески подчеркивает неприязнительность и простоту императорской семьи: «Государыня была прежде всего матерью и женой. Вначале она пыталась свести к минимуму обязанности по отношению к обществу, чтобы иметь возможность больше времени посвятить семье. Ее не привлекали ни стремление к показному, ни роскошь. Наряды так мало занимали ее, что порой прислуживающие ей должны были напомнить заказать платье. Платья она могла носить годами. Во время войны она не приобрела ни одной новой вещи.

С детьми государыня была строгой и приучала их к простоте. Так, детская одежда переходила от старшего к младшему, как это бывало в простых семьях. В Финляндии, на островах, царские дети носили простенькие ситцевые платья. Если бы им было суждено пережить революцию, они, вне сомнения, смогли бы без труда приспособиться к самой простой жизни. На туалеты императрицы были специальные ассигнования, но она никогда не расходовала всей суммы на себя, отдавая значительную часть бедным и жертвуя, сколько возможно, на достой-

ные помощи цели. В результате бывало, что, когда ей самой нужен был новый костюм, у нее не оставалось уже ни гроша...

Я знаю, что не одна тысяча рублей из средств императрицы была израсходована на помощь нуждающимся и она всегда хотела сохранить это в тайне. В Крыму императрица часто передавала через меня денежные пожертвования больным, находившимся в санатории.

Много слез осушила императрица, и много несчастных, чье здоровье было восстановлено благодаря ее помощи, благословляли ее имя. Я сохраняла много писем, подтверждающих это, но все они были потеряны во время революции...

Семья Николая II за чаепитием. Ливадия. 1914 г.

Царская семья могла так же беспрепятственно наслаждаться природой на Финляндском архипелаге, как и простые смертные. Когда яхта приставала к побережью или к одному из островов, государь и государыня любили зайти в ближайшее село и часто беседовали с крестьянами... Однажды во время прогулки государыня с детьми зашла в небольшой чистенький коттедж; там они застали старую женщину за прялкой. Бедная старушка была очень удивлена этому посещению. Государыня погладила ее по голове и заинтересовалась ее работой. Старая женщина скоро поняла, кто ее гости, и, улыбаясь, стала приседать в реверансах. Она приготовила кофе для государыни и детей и подала к нему домашний хлеб.

Государь тоже часто разговаривал с крестьянами и рыбаками. Он любил беседовать со своими простыми верными подданными, но совершенно не переносил дипломатических разговоров...

Однажды государыня сообщила мне по телефону, что государь с дочерьми направляется в Готсбург за покупками. Царская семья оставила автомобиль в парке, где я встретила их, и мы пошли вдоль главной улицы, останавливаясь почти перед каждой витриной.

Государя забавляла возможность раскодовать деньги – дома он ничего не покупал, и у него никогда не было денег в карманах.

По улице ехал фургон, нагруженный большими ящиками с почтой. Вдруг один из ящиков упал на мостовую. Государь бросился помогать рабочим поднять ящик. Несмотря на свой небольшой рост, государь был сильным.

Великие княжны и Анна Вырубова в форме сестер милосердия. 1914 г.

Я спросила его величество, почему он так поступил, ведь было достаточно людей, чтобы поднять ящик. Государь объяснил свой поступок желанием показать детям, что нет недостойной работы и что они ничем не лучше других людей...

...Как я уже говорила, во время войны она (императрица. – Е. П.) работала сестрой милосердия в госпитале... Я видела императрицу всея Руси, стоявшую у операционного стола с шприцем, наполненным эфиром, подающую инструменты хирургу, помогающую при самых

страшных операциях, принимающую из рук хирурга ампутированные ноги и руки, снимающую с солдат завшивленную одежду, вдыхающую все зловоние и созерцающую весь ужас лазарета во время войны, по сравнению с которым обычный госпиталь кажется мирным и тихим убежищем... Императрица сказала мне однажды, что единственный раз в жизни она испытала подлинное чувство гордости – это было, когда она получила диплом сестры милосердия.

...Но ярче всего в памяти сохранилась гармония семейной жизни государя, тесные узы, связывающие членов этой семьи.

Все дети, как и родители, были религиозны и мистически настроены. Но основной их чертой был пламенный патриотизм. Россия была им так дорога, что девочки не допускали мысли о замужестве вне пределов родины и вне православия. Все они хотели служить России, выйти замуж за русских и иметь детей, которые бы тоже служили России».

Императорскому семейству приходилось тратить немало сил на поддержание образа идеальной семьи. Они были актерами, игравшими буквально без антрактов, днем и ночью. И даже в моменты, когда они казались откровенными со своими близкими друзьями, они, возможно, только играли в откровенность, зная, что любое их слово будет завтра же повторяться во всех светских гостиных столицы, а затем и всей страны. Такая роль требовала бесконечного самобладания и бесконечного одиночества.

Как же совершалось превращение из обычного маленького мальчика (или, в нашем случае, маленькой девочки), не подозревающей о своем высоком предназначении, в «икону стиля»?

Великие княжны

Рождение

Для любой женщины первая беременность – значимое событие в жизни. Для женщины из императорской семьи оно значимо по-особому: все ждут от нее рождения наследника, и появление на свет дочери означает неизбежное разочарование. Вот как описывает свою первую беременность и роды Александра Федоровна, супруга тогда еще великого князя Николая Павловича (будущего императора Николая I).

«По возвращении в Павловск мы вернулись к прежнему образу жизни. Вскоре я должна была прекратить верховые поездки, так как однажды за обедней, когда я старалась выстоять всю службу, не присаживаясь, я упала тут же на месте без чувств. Николай унес меня на руках; я этого и не почувствовала вовсе и вскрикнула, только когда мне дали понюхать летучей соли и я пришла в чувство. Этот случай, в первую минуту напугавший присутствующих, был как бы предвестником моей беременности, которой я сама едва верила; это известие обрадовало всех! Говорят, будто на том месте, где я упала, нашли осыпавшиеся лепестки роз, вероятно, из моего букета, и это нашим дамам показалось очень поэтичным...

Я страдала тошнотами и испытывала отвращение к некоторым блюдам и запахам, но вообще чувствовала себя как нельзя лучше, длинное это путешествие совершила весьма приятно, так как ехала с мужем, и мы немало ребячились...

На Святой неделе, когда колокола своим перезвоном славословили праздник Воскресения, в среду, 17 апреля 1818 г., в чудный весенний день, я почувствовала первые приступы родов в 2 часа ночи. Пригласили акушерку, затем вдовствующую государыню: настоящие боли начались лишь в 9 часов, а в 11 часов я услышала крик моего первого ребенка!

Нике <Николай Павлович> целовал меня и плакал, и мы поблагодарили Бога вместе, не зная даже еще, послал ли он нам сына или дочь, но тут подошла к нам татап и сказала: „Это сын“. Мы почувствовали себя еще более счастливыми при этом известии, но помнится мне, что я ощутила нечто важное и грустное при мысли, что этому маленькому существу предстоит некогда сделаться императором!

Шесть недель после родов прошли для меня самым приятным, и покойным, и однообразным образом; я видалась в это время с весьма немногими... Во время крестин, совершившихся 29 апреля в Чудовом монастыре, нашему малютке было дано имя Александр; то был прелестный ребеночек, беленький, пухленький, с большими темно-синими глазами, он улыбался уже через шесть недель. Я пережила чудную минуту, когда понесла новорожденного на руках в Чудовскую церковь, к гробнице св. Алексея...

Но через год, когда у Александры рождается дочь, атмосфера не такая безоблачно-радостная.

Александра Федоровна пишет: «Действительно, я легла и немного задремала; но вскоре наступили серьезные боли. Императрица, предупрежденная об этом, явилась чрезвычайно скоро, и 6 августа 1819 г., в третьем часу ночи, я родила благополучно дочь. Рождение маленькой Мари было встречено ее отцом не с особенной радостью: он ожидал сына; впоследствии он часто упрекал себя за это и, конечно, горячо полюбил дочь». Впоследствии – это, вероятно, тогда, когда в семье родились еще три сына, и мужская линия была надлежащим образом закреплена.

Александр II больше всех детей любил своего первенца, дочь Александру, так как она оказалась «нежеланным ребенком» – все ждали сына. Пишет Анна Тютчева: «Это был первый ребенок от брака цесаревича и цесаревны, и цесаревич исключительно любил ее; она

также страстно была к нему привязана, так что, будучи еще совсем маленькой, горько плакала, когда отец ее бывал в отсутствии. Цесаревна говорила мне, что никогда великий князь так не играл с другими детьми, как с этим ребенком; он был ее товарищем и постоянно носил ее на руках. Привязался он к ней так сильно потому, что ее рождение было некоторым разочарованием для остальных членов семьи, особенно для императора Николая, рассчитывавшего сразу иметь наследника престола и потому оставшегося недовольным рождением девочки. Доброе и нежное отцовское сердце чувствовало потребность вознаградить ребенка усиленной лаской за холодность, проявившуюся вначале к новорожденной, за которой, впрочем, через год родился и наследник».

Иначе сложилась судьба семьи Николая II. Когда его жена родила одну за другой четырех дочерей, то, как вспоминали современники, «свет встречал бедных малюток хохотом». Александра Федоровна, тяжело переживавшая свою неспособность подарить России наследника, даже перенесла ложную беременность, а Сергей Юльевич Витте с коллегами разрабатывали проект, согласно которому наследовать престол должна была старшая дочь императорской четы – Ольга.

* * *

Августейшей роженице помогала акушерка, в трудных случаях приглашали придворного врача. Так, Александре Федоровне, жене императора Николая II, в первых родах понадобилась акушерская операция: наложение щипцов на голову младенца для быстрого его извлечения. Ее проводил наблюдавший императрицу во время беременности профессор-акушер Дмитрий Оскарович Отт. Ему ассистировала акушерка Евгения Конрадовна Гюнст. В настоящее время от этой операции медики отказались, так как она считается слишком травматичной для ребенка, но нет никаких данных о неврологических нарушениях, развившихся в дальнейшем у великой княжны Ольги, что может свидетельствовать о высоком профессионализме профессора Отта.

Разумеется, качество медицинской помощи было высоким, а условия, в которых женщины переносили беременность, вполне комфортными. Неслучайно в XIX веке лишь несколько родов в императорской семье закончились смертью матери или младенца. Среди них была великая княжна Александра Николаевна (третья дочь императора Николая и Александры Федоровны), тяжело болевшая еще до беременности, и жена великого князя Павла Александровича Александра Григорьевна, принцесса греческая и датская, скончавшаяся вследствие несчастного случая, приведшего к преждевременным родам на седьмом месяце беременности. Роды случились в имении великого князя Ильинском, и пока фельдъегерский курьер добирался с письмом к лейб-хирургам и врачам московской Странноприимной больницы, великая княгиня Александра Георгиевна впала в кому и скончалась. Ребенок, великий князь Дмитрий Павлович, выжил благодаря тому, что Елизавета Федоровна, жена брата Павла Александровича Сергея и подруга Александры, приказала обложить колыбель младенца ватой и теплыми бутылками с водой, которые нужно было менять каждые двадцать минут, и тем самым обеспечила недоношенного младенца столь необходимым ему теплом.

* * *

Великие княжны, как и их братья, получали имена из весьма ограниченного списка. В начале и середине XIX века в доме Романовых дочерей называли обычно: Александра, Анна, Екатерина, Елена, Елизавета, Мария или Ольга. В конце века появились имена Ирина, Ксения, Анастасия, Татьяна. Из-за того что имена мужчин и женщин в семье Романовых посто-

янно повторялись, в разных поколениях встречалось несколько полных тезок, и понять, о ком именно идет речь, не всегда просто.

При рождении великие княжны получали орден Святой Екатерины – дамский орден, учрежденный Петром I для его жены Екатерины после Прутского похода, когда она, чтобы спасти армию от разгрома, пожертвовала своими драгоценностями. Обычай награждения новорожденных великих княжон ввел в 1797 году Павел I.

Главой ордена была императрица, а наместницей или диакониссой – супруга наследника престола. Кроме нее, знаки ордена Большого креста, или первой степени (медальон с изображением святой Екатерины, украшенный крестом, на красной ленте с золотой каймой, и восьмилучевая бриллиантовая звезда с орденским девизом: «За любовь и отечество»), имели право носить принцессы императорской крови, «сколько есть», а также еще не более 12 других дам. Знаки второй степени (медальон с крестом и бантом на красной ленте с серебряной каймой) могли получить не более 94 дам. По легенде, отсюда пошел обычай перевязывать конверты младенцев-девочек красной (а позже – розовой) лентой. Якобы сановники и люди, приближенные ко двору, желая своим дочерям достижения придворных вершин, стали перевязывать их после крещения красной лентой, похожей на орденскую. Голубая лента, которой перевязывают конверты мальчикам, в этой легенде соответствует ленте ордена Андрея Первозванного.

Орден Святой Екатерина

Княжны императорской крови (племянницы императора) получали орден при совершеннолети.

Когда княжны подрастали, для них шили специальные орденские платья из серебряного глазета с золотым шитьем, со шнурами и зеленым бархатным шлейфом, подбитым горностаем, по покрою напоминавшие сарафаны, на головы дамы Большого креста надевали кокошники

из зеленого бархата, украшенные полукружием с серебряным шитьем или драгоценными камнями.

В обязанности дамам ордена вменялось: «1) Благодарить Бога по все дни за милостивые освобождения, дарованные Императору ПЕТРУ ВЕЛИКОМУ. 2) Молить ежедневно Бога о соблюдении священной особы царствующего ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, о здравии Его и многолетстве и о благополучии Его оружия и дел, а также о здравии, благополучии и многолетстве всей Императорской Фамилии. 3) В том же намерении, в каждый воскресный день прочитывать трижды молитву „ОТЧЕ НАШ“, в честь Святой Троицы. 4) Трудиться, сколько возможно, о обращении нескольких неверных к благочестивой Православной вере, добродетельными способами и увещаниями, но отнюдь не каким-либо угрозением или понуждением. 5) Освобождать одного Христианина из порабощения варварского, выкупая на свои собственные деньги.

Сверх того, попечению дам Большого креста и кавалерственных дам сего ордена вверено особое заведение для воспитания благородных девиц, под именем Училища Ордена Св. Екатерины, и к обязанности их по сему предмету принадлежит наблюдение за исполнением учреждения, для означенного заведения поставленного.

Каждая кавалерственная дама ордена Св. Екатерины может представить воспитанницу для приема в Училище Ордена Св. Екатерины, с тем, однако же, чтоб представляемая происходила из дворянского рода, была совершенно здорова и имела положение в учреждении сего Училища».

Так уже с первых дней жизни маленькие великие княжны начинали свою службу обществу. Но служба эта была, разумеется, чисто формальной. Было понятно, что младенец не мог сознательно принять решение обращать неверных и выкупать христиан за собственные деньги, а молитвы маленькая дама Большого креста будет произносить точно так же, как и любая девочка, воспитываемая в христианской вере. Вероятно, задачей такого награждения было с рождения выделить великих княжон, подчеркнуть их особый статус. Впрочем, и в этом не было большой нужды: вряд ли кто-нибудь мог забыть об их высоком происхождении. Но формальности занимали важное место в жизни императорской семьи.

Воспитание

К каждому новорожденному в царской семье приставляли штат прислуги: кормилицу, бонну-англичанку, двух дам для ночного дежурства, четырех нянек, исполнявших также обязанности горничных, двух камердинеров, двух камер-лакеев, восемь лакеев, восемь истопников. В течение первого года жизни младенца дежурные дамы по очереди проводили ночи у детской кровати, а когда ребенок становился старше, на посту оставались лишь няньки.

Царская кормилица

Кормилицы по традиции набирались из крестьянок. Александра Осиповна Смирнова-Россет писала о деревне Федоровской под Павловском: «Это был рассадник кормилиц для царских и городских детей. Народ был трезвый, здоровый, постоя никогда не было, а все знают, что постоя войск развращает женщин». Кормилицы носили особый наряд, стилизованный под русский сарафан с кокошником.

Кормилица, бонна и акушерка присутствовали на крестинах младенца. Николай I в своих мемуарах пишет: «Во время церемонии крещения вся женская прислуга была одета в фижмы и платья с корсетами, не исключая даже кормилицы. Представьте себе странную фигуру простой

русской крестьянки из окрестностей Петербурга в фижмах, в корсете до удушения. Тем не менее это находили необходимым. Лишь только отец мой при рождении Михаила освободил этих несчастных от этой смешной пытки».

Александра Федоровна, жена Николая II, единственная из русских императриц, которая пыталась сама кормить своих детей грудью. Впрочем, при наличии полного штата кормилиц эти попытки были обречены на провал, так как младенец по большей части был сыт и не мог высасывать из материнской груди достаточно молока, чтобы лактация не прекратилась. Выкармливая свою первую дочь, Ольгу, Александра Федоровна пыталась поддержать лактацию, давая грудь сыну кормилицы Ксении Воронцовой, а кормилица, по воспоминаниям современников, «стояла рядом, очень довольная». Но большой пользы эта затея не принесла.

Была у детей и своя медицинская служба, состоящая из лейб-медика, придворного аптекаря и зубного лекаря.

* * *

Прогрессивные методы Екатерины II, бывшей поклонницей «воспитания по Руссо», т. е. естественного закаливания детей, в XIX веке ушли в прошлое. Но некоторые следы этих традиций остались. В детских спальнях было много свежего воздуха, в ваннных комнатах – приспособления для холодного душа. Николай I, вспоминая свою детскую в Зимнем дворце, пишет: «Спальня, в глубине которой находился альков... была приурочена к помещению кровати, но я там не спал, так как находили, что было слишком жарко от двух печей, которые занимали оба угла». Детей также выносили на прогулки с первых месяцев жизни, в том числе и в зимние месяцы, о чем свидетельствуют счета на нарядные шубы для царственных младенцев: «атласную розовую на собольем меху, две рацемторовые на горностаевом меху – на тафтяной подкладке, две шапочки венгерские, рацемторовые черновые с собольими околышами». Для сравнения – в провинциальных дворянских семьях дети, даже подросшие, часто проводили зимы дома, не выходя на улицу.

Великий князь Николай Павлович (будущий Николай I) родился 25 июня 1796 года, а шубы для него готовы уже в январе 1797 года. Но в конце XIX века Николай II, фиксируя в дневнике взросление своей старшей дочери Ольги, родившейся 3 ноября 1895 года, пишет, что «дочку впервые вынесли на воздух» только 8 апреля, т. е. всю зиму маленькая великая княжна провела в комнатах. Связано ли это с возрастом младенца или с более осторожным отношением родителей к его здоровью, неизвестно. Однако, как было заведено еще при Александре III, подросшие девочки спали на походных кроватях с волосяными матрацами и тощими подушками под голову и завтракали овсянкой, что должно было, по идее императора, готовить их к возможным неожиданностям и невзгодам в их замужней жизни. На обед на стол подавали четыре блюда, на ужин – два. В сладкое, которым завершался обед, не входили ни конфеты, ни мороженое.

«Все мы питались очень просто, – вспоминала дочь Александра III Ольга Александровна. – К чаю нам подавали варенье, хлеб с маслом и английское печенье. Пирожные мы видели очень редко. Нам нравилось, как готовят нам кашу, – должно быть, это Нана научила поваров, как надо ее стряпать. На обед чаще всего подавали бараньи котлеты с зеленым горошком и запеченным картофелем, иногда ростбиф. Но даже Нана не могла заставить меня полюбить это блюдо, в особенности когда мясо было недожарено! Однако всех нас воспитывали одинаково: ели мы все, что нам давали».

В 1876 году умер годовалый сын великого князя Владимира Александровича. Когда жена великого князя Мария Павловна снова забеременела, решили полностью переоборудовать детские комнаты во дворце Владимира Александровича. Там были заложены лишние двери, обновлены паркетные полы, бумажные обои на стенах заменили деревянной фанеровкой из

карельской березы, волнистого тополя и американского ореха. В комнатах также устроили водяное отопление. Горячая вода поступала из подвального этажа по проложенным в стенах дворца металлическим трубам в плоские батареи, размещенные под окнами между зимними и летними рамами. По вентиляционным трубам в комнаты подавался подогретый и увлажненный воздух, в результате чего в них поддерживалась постоянная температура +20 °С. Мария Павловна начала кормить грудью своих детей: сперва новорожденного Кирилла, а следом – Бориса, Андрея и Елену. Все дети благополучно дожили до совершеннолетия и скончались в весьма преклонном возрасте.

* * *

История сохранила имена бонн-англичанок, бывших при великих князьях. Это Евгения Лайон, воспитывавшая будущего Николая I («няня-львица», как назвал ее подросший император); миссис Кеннеди, воспитывавшая его брата Михаила; Мария Юз, растившая старшего сына Александра II, названного Николаем; Томасина Ишервуд и Екатерина Стуттон, сменявшиеся у двух его младших сыновей – Александра и Владимира.

У великих княжон, как правило, не было собственных нянь, если только девочки не рождались в семье первыми или последними. Детей Николая I растило трио нянь: А.А. Кристи, Е.И. Кристи и М.В. Касовская (сестра Евгении Лайон), младших детей (в том числе и дочерей) Александра II – уже упоминавшаяся Екатерина (Китти) Стуттон.

Няней младшей дочери Александра III Ольги стала Элизабет Франклин, нанятая по рекомендации принцессы Уэльской, приходившейся Ольге теткой. В императорской семье эту няню называли Нана. Она очень сдружилась со своей воспитанницей и прожила с ней до самой смерти в 1916 году.

Долго не мог подобрать няню для своих дочерей Николай II. Не прижились в России ни рекомендованная королевой Викторией мисс Орчи, ни взятая «на прокат» у великой княгини Елизаветы Федоровны мисс Костер, ни ирландка Маргарет Игер. Последняя, правда, продержалась шесть лет, но потом с ней случился неприятный казус. Ольга Александровна (сестра Николая II, бывшая воспитанница Элизабет Франклин) писала: «... Я помню мисс Игер, няню Марии, которая была помешана на политике и постоянно обсуждала дело Дрейфуса. Как-то раз, забыв о том, что Мария находится в ванне, она принялась спорить о нем с одной из своих знакомых. Мария, с которой ручьями лилась вода, выбралась из ванны и принялась бегать голышом по коридору дворца. К счастью, в этот момент появилась я. Подняв на руки, я отнесла ее к мисс Игер».

После этого случая Николай записал в дневнике: «Сегодня после многих недель колебаний Алики, сильно поддержанная мною и княг. Голицыной, наконец, решила уволить англичанку – няню детей мисс Игер, что и было ей объявлено!»

После нее в детскую пришла Мария Ивановна Вишнякова, мещанка, обучившаяся профессии няни в Петербургском Воспитательном доме. К сожалению, с русской няней несчастному семейству не повезло еще больше, чем с англичанками. В феврале 1912 года М.В. Родзянко в своем докладе сообщил Николаю II, что Распутин «соблазнил нянюшку царских детей... она каялась своему духовному отцу, призналась ему, что ходила со своим соблазнителем в баню, потом одумалась, поняла свой глубокий грех и во всем призналась молодой императрице, умоляя ее не верить Распутину, защитить детей от его ужасного влияния, называя его „дьяволом“. Нянюшка эта, однако, вскоре была объявлена ненормальной, нервнобольной, и ее отправили для излечения на Кавказ». Уволенная няня тем не менее получила в пользование полностью обставленную трехкомнатную квартиру в Комендантском корпусе Зимнего дворца, оплаченную «из сумм Августейших Детей», пенсию в размере 2000 руб. в год, а также регулярно получала средства для поездок на лечение.

М.И. Вишнякова с вел. кн. Ольгой

* * *

В три года девочки переходили под надзор воспитательниц, в 6–7 лет к их обучению приступали гувернантки. Чем старше становились великие княжны, тем острее они чувствовали, что их детская является ареной интриг и политической борьбы. Причем борьбы более мелочной и одновременно более серьезной, чем наивное увлечение Маргарет Игер делом Дрейфуса, а Марии Вишняковой – Распутиным.

Николай I поставил воспитательницей своих детей Юлию Федоровну Баранову – сестру его друга детства Александра Адлерберга, бывшую подругой великой княжны Анны – младшей сестры Николая. Дочь императора Ольга Николаевна вспоминала: «Если Мэри (старшая сестра Ольги Мария Александровна. – *Е. П.*) плохо училась, несмотря на свои хорошие способности, то помимо ее детского легкомыслия это было виной мадам Барановой, не имевшей и тени авторитета. Очень добрая, очень боязливая, в частной жизни обремененная заботами о большой семье, на службе, кроме воспитания Мэри, еще и ответственная за наши расходы и раздачу пожертвований, она не умела следить за порядком в нашей классной. Каждую минуту открывалась дверь для гостя или лакея, приносившего какую-либо весть, и Мэри пользовалась этим нарушением, чтобы сейчас же вместо работы предаться каким-нибудь играм. Этому недостатку строгости и дисциплины можно, вероятно, приписать то обстоятельство, что Мэри и позднее не имела определенного чувства долга. Мадам Барановой не хватало чуткости, чтобы вести ее. Она только выходила из себя, держала длинные речи, которые Мэри в большинстве случаев прерывала каким-нибудь замечанием...»

Личной воспитательницей Ольги была Шарлотта Дункер, по воспоминаниям современников, «злое существо с романтическими наклонностями; она любила слушать с Мердером (наставником цесаревича Александра. – *Е. П.*) пенье соловья по вечерам около дворца в кустах. Система Дункер была совершенно овладеть умом своей воспитанницы и ссорить двух сестер

(Марию и Ольгу. – *Е. П.*)... что ей вполне удалось, и то детское чувство охлаждения осталось на всю жизнь. Сестры любили друг друга, но не ладили».

О том, как завершилось это противостояние, рассказывает сама великая княгиня Ольга Николаевна: «Мадемуазель Дункер вернулась домой довольная и в хорошем настроении: она завела массу знакомств, всюду ее приглашали и прекрасно принимали. В Петербурге она никогда никуда не выезжала. У нее не было даже родных, кроме ее матери, которую она, – я никогда не узнала, из каких соображений, – не смела навещать. Поэтому совершенно неудивительно, что все тепло и вся любовь, к которой было способно ее сердце, направлены были на меня, и она подсознательно отгораживала меня от остальных. Мэри не питала к ней ни малейшей симпатии и неизменно при каждом удобном случае заставляла ее это чувствовать. Юлия Баранова была не в силах что-либо предпринять против этого; за дерзостями следовало то, что каждый оставался в своем углу. В учении я сделала колоссальные успехи: только на полгода я отставала от Мэри, которой было уже шестнадцать лет. Учителям, видимо, доставляло радость подвигать меня так быстро, и чем дальше я шла в ученье, тем усерднее я становилась.

Но я совершенно не чувствовала себя счастливой. Мое существо становилось скорее еще более замкнутым, моя склонность к религии обращалась в мистику. Если бы это продолжалось еще дольше, я совершенно замкнулась бы в своих четырех стенах. Мама первая обратила на это внимание. Она стала расспрашивать Мэри, как всегда, не жалела жалоб. Пробовали обратиться к Шарлотте Дункер, для чего избрали Баранову, которая была слишком неумна для того, чтобы успешно провести такую роль. Но Родители относились к ней очень хорошо благодаря ее приятной незлобивой натуре. Слушали, правда, и нас, но не вникали в мелочи. Таким образом, многое являлось в ложном свете. Шарлотта, которую в свое время поддерживал и которой давал советы генерал Мердер, оставалась теперь совершенно одна, и оттого что она чувствовала себя отодвинутой на задний план, она стала вспыльчивой и склонной к сценкам. Папа услышал об этом и решил, что нужно нас разъединить. Он не любил половинных мер и считал, что только радикальное решение может восстановить мир в детских. Это решение было вызвано следующим.

Был август 1836 года. Мы возвратились с Елагина в Петергоф. Жюли (Юлия Баранова) оставалась из-за болезни в Смольном. Нас, трех сестер, поручили Шарлотте, и мы все вместе ежедневно предпринимали поездки в фаэтоне. Мэри, которая хорошо знала расположение, давала указания кучеру и направляла экипаж в Новую Деревню, где размещалась гвардейская кавалерия. Как только появлялся царский экипаж, дежурные офицеры должны были его приветствовать. Для нас, детей, это не играло роли; Мэри же не была больше ребенком. Когда мы ездили под присмотром Жюли, Мэри научила нас толкать ее ногой, если издали появлялся кто-нибудь знакомый. В таком случае Мэри сейчас же поворачивала голову в противоположную сторону и обращала внимание Жюли на что-нибудь там, и когда экипаж был достаточно близко от знакомого, ему посылались приветствия и улыбки, в то время как Жюли все еще смотрела в противоположную сторону. Это проделывалось ежедневно, и Жюли не догадывалась об этой шалости. То же самое Мэри попробовала было с Шарлоттой. Но та заявила, что совершенно не нужно ежедневно ездить через Новую Деревню, и запретила нам, младшим сестрам, толкаться ногами в коляске.

Это кончилось сценой и слезами с обеих сторон, Шарлотте не удалось справиться со своим волнением, всем было заметно ее возбуждение. Ночь она провела с нами, но на следующий день, когда я проснулась, она не появилась, как не появилась и к завтраку, и когда ее не оказалось, чтобы идти гулять, меня охватило недоброе предчувствие. Я вихрем взлетела по лестнице в комнату, где она обычно одевалась, и нашла там ее шиньон, ее лорнет, ее шелковое фишю (косынка, шейный платок – *Е. П.*) все разбросанным в беспорядке, точно она куда-то торопилась. Тут я разразилась слезами. Мэри стояла подле очень смущенная, Адини же ничего не понимала и была в замешательстве. Я знаю, что в глубине своего сердца Мэри упрекала себя

в том, что так меня огорчила. Перед тем как мы должны были выйти, меня позвали к Мама. Увидев мое заплаканное лицо, Мама сказала мне, что эта разлука была необходима. К этой мысли Мама хотела подготовить меня постепенно. И все же никто не сумел понять, насколько я любила свою Шарлотту и насколько была к ней привязана.

Мама оставила меня у себя, окружила вниманием и лаской и ждала, пока я заговорю, чтобы все разъяснить мне. Я обожала свою мать, но в эту минуту мое сердце разрывалось на части, и я не смогла ничего сказать. Через несколько дней Мама передала мне маленькое письмо, благословила меня и сказала нежно: „Прочитай его перед сном!“ Я сохранила его в моем молитвеннике. В нем было все, что я уже предчувствовала, что я боялась узнать. Решение Родителей мне показалось ужасным; но раз они так постановили, значит, они были правы, и мне не оставалось ничего другого, как покориться. Мама была очень мила ко мне и посвящала мне, ввиду отсутствия Папа, все свое время. Я могла спать с ней, мы вместе гуляли, и в туалетной комнате Папа проходили мои занятия. Мама подарила мне собаку Дэнди, неразлучного со мной вплоть до моего замужества. Как гувернантку взяли на пробу мадам Дудину, начальницу одного приюта. Ослепленная жизнью при Дворе, до сих пор ей непривычной, она спрашивала всех и вся, что это или то обозначает. Ее мещанская манера и ее неразвитость давили меня, и в то время, пока она была у нас...

Мадам Дудина оставалась при мне только несколько недель. Накануне Николина дня, 5 декабря, у меня появилась Анна Алексеевна Окулова, и с ней началась моя новая эра жизни. Выбор Анны Алексеевны был сделан Папа. Когда она была институткой Екатерининского института в Петербурге, ее уже знала Бабушка, очень ценила и оказала ей во время своей поездки в Москву какое-то благодеяние. Папа помнил ее веселое, открытое лицо. Она жила со своей семьей в деревне и ввиду того, что были затруднения денежного характера, заботилась об управлении имением и воспитании своих младших братьев и сестер. Все уважали ее энергию и предприимчивость. Чтобы избежать всяких неожиданностей и неприятностей, ее положение при Дворе, а также ее доходы были с самого начала утверждены. Ее сделали фрейлиной, по рангу она следовала за статс-дамами и получила, как Жюли Баранова, русское платье синего цвета с золотом, собственный выезд и ложу в театре. Я встретила ее впервые на одном музыкальном вечере Мама. Она сейчас же покорила мое сердце. Мне показалось, что повеяло свежим воздухом в до сих пор закрытую комнату. Она совершенно изменила меня. Ей сейчас же бросилось в глаза, какая я замкнутая и насколько лучше я могла писать, чем изъясняться, и она мне предложила вести дневник, чтобы я могла ясно себя увидеть и чувствовать себя свободнее. Она надеялась таким образом уменьшить и мою застенчивость. Я с готовностью приняла ее предложение и настолько привыкла писать дневник, что это стало для меня приятной необходимостью. Успех оправдал ее ожидания, я научилась выражать свои чувства и стала общительней.

Счастливый характер Анны Алексеевны вскоре привлек к ней много друзей, а здравый ум направил правильным путем через лабиринт придворной жизни. Озадаченная непониманием между нами, сестрами, она сейчас же стала искать причину этого. Она никогда не говорила „моя Великая княжна“, она всегда называла нас вместе и старалась в свободные часы занимать нас всех общим занятием. Мэри она завоевала своей жизнерадостностью, а также рассказами из времен своей юности... Она заставляла нас рисовать по оригиналам и читала при этом вслух по-русски... Мы играли, пели и жили беззаботной жизнью веселой компании».

* * *

Воспитательницей великой княжны Марии Александровны и ее брата Сергея Александровича – детей Александра II – стала в 1850-х годах старшая дочь Федора Ивановича Тютчева Анна. Ее отец был не только поэтом, но и политиком, дипломатом, симпатизирующим

славянофилам, и дочь разделяла его взгляды. Разумеется, она не внушала симпатии к партии славянофилов своей малолетней воспитаннице, но при благоприятных случаях защищала идеи отца перед Александром II и его женой, а самое главное – оставила воспоминания, где очень небольшое место посвящено ее педагогической деятельности и очень большое – политическим событиям и решениям, свидетельницей которых она была.

Спустя почти шесть десятков лет уже в детской детей Николая II появилась еще одна воспитательница из семьи Тютчевых – Софья Ивановна Тютчева, внучка поэта и племянница Анны Тютчевой. Однако менее чем через год она получила отставку, так как активно боролась против влияния Распутина на царскую семью. Ее современница, генеральша Баранович, бывшая в курсе пертурбаций, происходящих при дворе, писала по этому поводу: «В городе говорят, что вместо Тютчевой к царским детям будет назначена Головина, которая возила Распутина по домам и с ним путалась, а над ней главной – Вырубова. Это прямо позор – назначение этих двух женщин... Был у нас Ломан. Сказал он, что тяжелое впечатление выносишь от близости ко двору. Вот как он объясняет уход или отставку С.И. Тютчевой. Она не подчинялась требованиям старших, вела с детьми царскими свою линию. Возможно, что ее воспитательное направление и было более рациональным, но оно было не по вкусу, а она упорствовала, как все Тютчевы, была упряма и стойка, верила, как все ее однофамильцы, в свои познания и свой авторитет, так что детям приходилось играть две игры, что приучило их лгать и проч. Являлась всегда Тютчева на все сборища и приемы не в духе. Она говорила, что не все разговоры можно вести при детях. В этом с ней не соглашались, и вот развязка – пришлось ей покинуть свой пост. Мое соображение: из этого видно, что при дворе правду не любят и не хотят слушать. При этом Ломан вспомнил, как воспитательница вел. кн. Марии Александровны Кобург-Готской, тоже Тютчева, после катастрофы на Ходынском поле при встрече со своим бывшим воспитанником вел. кн. Сергеем Александровичем не подала ему руки, обвиняя его в случившемся. Такова и С.И. Тютчева».

Анна Тютчева

Благодаря мемуарам Тютчевой-младшей мы знаем, каков был обычный распорядок дня дочерей Николая II, когда они были подростками.

«Так называемая „детская половина“ помещалась на втором этаже Александровского дворца и занимала ряд смежных комнат. Здесь были две спальни, ванная, игральная, две классных и столовая. При детях были старшая няня Мария Ивановна Вишнякова, более известная под именем Мэри, особа лет тридцати с лишним, и ее помощница Александра Александровна Теглова – Шура, лет 23-24-х, а также две молоденькие комнатные девушки Нюта Уткина и Лиза Эльсберг. При наследнике кроме няни находился матрос Деревенко.

Две старшие девочки спали в комнате с Шурой, а две младшие и наследник – с Марией Ивановной.

Когда я поступила, моим воспитанницам было: Ольге Николаевне – 11 лет, Татьяне – 9, Марии – 7 и Анастасии – 5. Распорядок дня был следующий. Дети вставали в 7 ½ утра и в 8 часов получали утренний завтрак. Я приходила к ним около 9 часов, и мы отправлялись гулять, невзирая на погоду. Уже одетые для прогулки девочки заходили поздороваться с родителями.

Возвращались мы к 10 часам, и две старшие садились учиться. Занимались они с небольшими перерывами до без четверти час, затем переодевались, и все четыре девочки шли завтракать к родителям. В это время я отправлялась к себе и снова была в детской в два часа. До четырех мы или катались, или гуляли пешком. В четыре пили чай, затем старшие готовили уроки, после чего, если не было занятий музыкой, они могли делать, что хотели. Часто в это время я им читала, а они или рисовали, или работали. Рукоделие у них очень процветало, занималась им даже маленькая Анастасия. В 7 часов старшие девочки готовились к обеду с родителями, а я была свободна и если и заходила в детскую вечером, то лишь по своему желанию.

Конечно, такой распорядок дня был в первый год моего пребывания при дворе. По мере того как дети подрастали, занятия стали носить более серьезный характер и занимали значительно больше времени...

Я освоилась с новым для себя делом, узнала характеры детей и привыкла к ним. Надо сказать, что, когда я к ним поступила, они были очень мало воспитаны. Мария Ивановна была хорошей, преданной няней, но о воспитании имела самое поверхностное представление. Но она считала себя полновластной хозяйкой на детской половине и к моему появлению отнеслась несочувственно, опасаясь, очевидно, за свое влияние. К счастью, мне приходилось сталкиваться с разного рода людьми, когда я была попечительницей нескольких благотворительных учреждений, поэтому я старалась не обращать внимания на мелочи и не слишком вторгаться в сферу действий Марии Ивановны. Вскоре у нас создались вполне нормальные и хорошие отношения.

С детьми в начале моего пребывания мне было довольно трудно. Они не слушались и всячески пытались вывести меня из терпения. Я же старалась быть очень спокойной и сдержанной, особенно, когда слышала, как одна из девочек говорила другой: „Саванну (так сократили они мое имя и отчество) никак не выведем из себя“. Однажды я им сказала, что, оставив их раза два, я не буду больше делать им замечания. „А потом что?“ – спросили они. „А потом уеду от вас домой“. Это заставило их призадуматься. Убедившись в том, что главным их коноводом была Ольга Николаевна, я решила с ней поговорить. „Вы могли бы во многом мне помогать“, – сказала я ей. „Как помогать?“ – спросила она. „Вы имеете влияние на ваших сестер, вы старше их и можете уговорить их слушаться меня и поменьше шалить“. – „Ах, нет, – воскликнула она, – ведь тогда мне придется всегда хорошо себя вести, а это невозможно!“ В душе я не могла не согласиться с тем, что она права, что живой двенадцатилетней девочке очень трудно быть постоянным примером и образцом для других детей. Впрочем, впоследствии она останавливала расшалившуюся Анастасию Николаевну: „Перестань, а то Саванна от нас уйдет, и нам же будет хуже“».

* * *

С шести-семи лет великие княжны начинали учиться. Поначалу у них была та же программа, что и у мальчиков: их обучали закону Божьему, музыке и пению, рисованию, танцам, чтению, чистописанию, русскому и французскому языкам. Позже начинались уроки английского и немецкого языков, арифметики, всеобщей и отечественной истории, географии.

Одним из наставников дочерей Николая I Марии, Ольги и Александры был поэт Василий Жуковский, учивший также наследника Александра. Он писал об успехах своей шестилетней ученицы: «Ольга Николаевна очень прилежна. Она раз в неделю занимается уже и со мною и всегда очень, очень внимательна. Слушает прилежно, и что поймет, того не забывает... Жаль мне только того, что не имею более времени: с нею очень приятно учиться». В этом возрасте великая княжна уже говорила на трех языках и прилично играла на фортепиано. Но самой Ольге больше всего запомнились уроки химии и физики. В своих воспоминаниях Ольга Николаевна пишет, что «была страстно увлечена химией и следила с большим интересом за опы-

тами, которые производил некто Кеммерер... Он показывал нам первые опыты электрической телеграфии, изобретателем которой был Якоби. Опыты эти в 1837 году вызвали глубочайшее изумление и в пользу их верили так же мало, как и в электрическое освещение. Уже в то время мы получили понятие о подводных снарядах, впоследствии торпедах».

Физикой занимались и дочери Николая II, разумеется, им читали лишь самый общий курс, включавший в себя много занимательных опытов, но мало теории. Впрочем, в Смольном к тому времени уроки физики уже были устранены из расписания.

О своем круге чтения Ольга Николаевна пишет: «Жуковский и Плетнев, наши русские учителя, оба дружные с Пушкиным и члены литературного кружка „Арзамас“, давно уже познакомили нас с сочинениями Пушкина. Мы заучивали его стихи из „Полтавы“, „Бахчисарайского фонтана“ и „Бориса Годунова“, мы буквально глотали его последнее произведение „Капитанская дочка“, которое печаталось в „Современнике“».

Девочки также часто посещали музыкальные концерты в доме Энгельгардта, оперные и балетные постановки.

Великие княжны числились в классах Смольного женского института и при посещении института надевали форму и вставали в ряды своего класса. Однако это снова была формальность.

Об особенностях обучения великих князей и княжон Анна Тютчева отзывалась так: «Жизнь государей наших, по крайней мере, так строго распределена, они до такой степени ограничены рамками не только своих официальных обязанностей, но и условных развлечений и забот о здоровье, они до такой степени являются рабами своих привычек, что неизбежно должны потерять всякую непосредственность. Все непредусмотренное, а, следовательно, и всякое живое и животворящее впечатление навсегда вычеркнуто из их жизни. Никогда не имеют они возможности с увлечением погрузиться в чтение, беседу или размышление. Часы бьют – им надо быть на параде, в совете, на прогулке, в театре, на приеме и завести кукольную пружину данного часа, не считаясь с тем, что у них на уме или на сердце. Они, как в футляре, замкнуты в собственном существовании, созданном их ролью колес в огромной машине. Чтобы сопротивляться ходу этой машины, нужна инициатива гения. Ум, даже хорошо одаренный, характер, но без энергии Петра Великого или Екатерины II, никогда не справится с создавшимся положением. Отсюда происходит то, что как государи они более посредственны, чем были бы в качестве простых смертных. Они не рождаются посредственностями, они становятся посредственностями силой вещей. Если это не оправдывает их, то, по крайней мере, объясняет их несостоятельность. Они редко делают то добро, которое, казалось, было бы им так доступно, и редко устраняют зло, которое им так легко было бы укрывать, не вследствие неспособности, а вследствие недостатка кругозора. Масса мелких интересов до такой степени заслоняет их взор, что совершенно закрывает от них широкие горизонты».

Светская жизнь

Дети рано начинали присутствовать на официальных церемониях, происходящих при дворе. Так, будущий Николай I и его сестра Анна уже в возрасте 1,5–2 лет танцевали на придворных балах. И если это еще можно было счесть развлечением, то участие в церемонии крестин Михаила Павловича, продолжавшейся более двух часов, представляется несомненно трудным для детей.

На крестинах сына Николая I Константина Николаевича присутствуют три его старших дочери: Мария, Ольга и Александра, которым в тот момент было соответственно восемь, пять и два года. Вспоминает Ольга Николаевна: «Следующей осенью, 9 сентября 1827 года, родился Константин, второй, долгожданный сын. Он родился уже как сын Императора, в то время как мы, старшие, родились еще детьми не венчанного на царство отца. К крестинам нам завили

локоны, надели платья-декольте, белые туфли и Екатерининские ленты через плечо. Мы находили себя очень эффектными и внушающими уважение. Но – о разочарование! – когда Папа увидел нас издали, он воскликнул: „Что за обезьяны! Сейчас же снять ленты и прочие украшения!“ Мы были очень опечалены. По просьбе Мама нам оставили только нитки жемчуга. Сознаться? В глубине своего сердца я была согласна с отцом. Уже тогда я поняла его желание, чтобы нас воспитывали в простоте и строгости, и это ему я обязана своим вкусом и привычками на всю жизнь. Одеваться было мне всегда скучно. Мама или гувернантки заботились вместо меня об этом, и только будучи замужем, чтобы понравиться моему мужу, я научилась украшаться, и то только оттого, что мне было приятно, если Карл находил меня красивой и хорошо одетой».

Позже, в 1832 году, когда они гостили в Таллине, дети должны были совершать официальные прогулки: «По воскресеньям там играл военный оркестр. Нам надевали наши красивейшие платья, шляпы, подбитые розовым муслином, и рука об руку мы должны были проходить через публику, собравшуюся, чтобы видеть царских детей. Должна сказать, что мне было гораздо приятнее смотреть самой, чем давать себя разглядывать. Такие прогулки были обязанностью... Мы должны были также принимать сановников: военного губернатора Палена, гражданского губернатора Бенкендорфа, коменданта Паткуля, отца Сашиного друга детских игр, которому мы сделали визит, посетив его прекрасный загородный дом, расположенный на высоте над городом...»

В своей комнате дети могли, разумеется, есть вдоволь, но даже на семейных обедах, где соблюдался минимум этикета, дети часто вставали из-за стола голодными. Вот что рассказала своему биографу Ольга Александровна: «Робкой я не была, но эти семейные обеды скоро стали для меня сущей мукой. Мы с Михаилом все время ходили голодные, а хватать куски в неурочное время миссис Франклин нам не разрешала.

– Голодные? – переспросил я, не скрывая изумления.

– Ну, разумеется, еды было достаточно, – принялась объяснять Ольга Александровна, – и хотя блюда были простые, выглядели они гораздо аппетитнее, чем те, которые нам подавали в детской. Но дело в том, что существовал строгий регламент: сначала еду подавали моим родителям, затем гостям и так далее. Мы с Михаилом, как самые младшие, получали свои порции в самую последнюю очередь. В те дни считалось дурной манерой и есть слишком поспешно, и подьедавать все, что положили тебе на тарелку. Когда наступал наш черед, мы успевали проглотить лишь один или два куска. Даже Ники однажды так проголодался, что совершил святотатство.

Великая княгиня рассказала мне, что каждый ребенок из Дома Романовых при крещении получал золотой крест. Крест был полый и наполнен пчелиным воском. В воск помещалась крохотная частица Животворящего Креста.

– Ники был так голоден, что открыл крест и проглотил все его содержимое. Потом ему стало очень стыдно, но он признался, что это было аморально вкусно. Я одна знала об этом. Ники не захотел рассказать о своем проступке даже Георгию и Ксении. Что же касается наших родителей, то не нашлось бы слов, чтобы выразить их негодование. Как вы знаете, все мы были воспитаны в строгом послушании канонам религии. Каждую неделю служили литургии, а многочисленные посты и каждое событие общенационального значения отмечалось торжественным молебном, все это было так же естественно для нас, как воздух, которым мы дышали. Не помню ни одного случая, чтобы кто-то из нас вздумал обсуждать какие-то вопросы религии, и все-таки, – улыбнулась Великая княгиня, – святотатство моего старшего брата ничуть нас не шокировало. Я только рассмеялась, услышав его признание, и впоследствии, когда нам давали что-то особенно вкусное, мы шептались друг другу: „Это было аморально вкусно“, – и никто нашего секрета так и не узнал.

Я снова выразил сомнение в том, чтобы наследник престола мог оказаться настолько голодным, живя во дворце, где в кухнях, кладовых, складах полно всевозможной еды.

– Это так, но существовал строгий порядок, – объяснила Великая княгиня. – Подавали завтрак, ленч, чай, обед и вечерний чай, все в строгом соответствии с инструкциями дворцовым буфетчикам. Некоторые из этих инструкций сохранились без изменения со времен Екатерины Великой. Скажем, в 1889 году появились маленькие булочки с шафраном, которые ежедневно подавались к вечернему чаю. Такие же булочки подавались при дворе еще в 1788 году. Мы с моим братом Михаилом то и дело проказничали, но мы просто не могли зайти украдкой в буфет и попросить бутерброд или булку. Такие вещи просто не делались».

В одиннадцать лет начинаются выходы в свет, пока еще кратковременные. «По обычаю, в одиннадцать лет я получила русское придворное платье из розового бархата, вышитого лебедями, без трена, – пишет Ольга Николаевна. – На некоторых приемах, а также на большом балу в день Ангела Папа, 6 декабря, мне было разрешено появляться в нем в Белом зале. Когда мы в него входили, все приглашенные уже стояли полукругом. Их Величества кланялись и подходили к дипломатическому корпусу. Папа открывал бал полонезом, ведя старшую чином даму дипломатического корпуса. В то время это была прелестная графиня Долли Фикельмон, жена австрийского посланника. За ними шли Мама с дядей Михаилом, затем я, под руку с графом Литта... Ввиду того что он был председателем Комиссии по постройке церквей, мне было велено навести разговор на эту тему, что я с грехом пополам и выполнила. В девять часов, когда начинался настоящий бал, я должна была уходить спать. Мне надлежало попрощаться с Мама, которая стояла в кругу стариков у ломберных столов. В то время как я повернулась, чтобы уйти в сопровождении своего пажа (его звали Жерве, и он был немногим старше меня), до меня донеслись слова Геккерна, нидерландского посла, обратившегося к Мама: „Как они прелестны оба! Держу пари, что перед сном они еще поиграют в куклы!“ Я с моим пажом! Эта мысль показалась мне невероятной, стоявшей вне моих представлений. Этот Геккерт был приемным отцом Дантеса, убившего на дуэли нашего великого поэта Пушкина».

В пятнадцать лет Ольга уже присутствует на половине бала и уходит спать только перед мазуркой. Она воспринимает это как неприятную обязанность, а не как развлечение: «В Москве мне пришлось принять участие в некоторых балах и торжественных обедах, без особой на то охоты: я всегда этого боялась, так как Папа очень следил за тем, чтобы мы все проделывали неспешно, степенно, постоянно показывая нам, как надо ходить, кланяться и делать реверанс. Мы могли танцевать только с генералами и адъютантами. Генералы всегда были немолды, а адъютанты – прекрасные солдаты, а потому плохие танцоры. Перед мазуркой меня отсылали спать. Об удовольствии не могло быть и речи».

С ранних лет девочки начали принимать участие в благотворительности. Ольга Николаевна пишет: «Прежде чем мы покинули Москву, у Мэри (Мария Александровна. – Е. П.) явилась блестящая мысль, чтобы мы, сестры, из собственных сбережений, по примеру наших предков, учредили какой-либо общественный фонд; начальные училища для девочек оказались необходимыми. Составился дамский комитет, пожертвования со стороны предпринимателей и купцов не заставили себя ждать, так что в течение только одного года открыли 12 школ в разных частях города; они назывались „Отечественные школы“ и прекрасно работали».

Другая Ольга, дочь Александра III Ольга Александровна, тоже тяготилась своими светскими обязанностями. Она рассказывала своему официальному биографу Йену Ворресу о своем первом выходе в свет, состоявшемся в 1900 году (ей тогда было 18 лет): «Это был сущий кошмар. Выдался особенно жаркий день. В длинном бальном платье, в сопровождении несносной фрейлины, маячившей сзади меня, я чувствовала себя зверьком в клетке, которого впервые показывают публике. Вы знаете, это ощущение не покидало меня и впоследствии. Я всегда воображала себя зверьком, посаженным в клетку на цепь, всякий раз, как мне приходилось выходить в свет. Я видела толпу, и у толпы не было лица. Это было ужасно. Мне следовало

бы помнить о своем происхождении и выполнять свой долг, не испытывая такого рода чувств. Тут кроется какая-то загадка: ведь я гордилась именем, которое я ношу, и своими предками, но где-то в душе гнезвился вот этот непонятный страх...».

Александра Федоровна сознательно не вводила детей в большой свет до 16 лет. Сестры начали работать вместе с матерью в военном госпитале едва ли не раньше, чем побывали на балах. Фрейлина Александры Федоровны Анна Вырубова вспоминает: «Татьяна... часто жаловалась, что у нее нет друзей, и просила меня помочь ей завязать знакомства. Это было легче сказать, чем сделать, – императрица никогда не позволила бы своим детям знакомств, которых она предварительно не одобрила бы. Государыня боялась сближения дочерей с аристократическими семьями, так как в этих семьях дети часто воспитывались неумно и слишком свободно. Императрица не одобряла и дружбы со многими кузинами великих княжон.

...Во время войны, когда нормальный ход жизни был нарушен, великие княжны не могли выполнять тех официальных обязанностей, которые бы лежали на них в мирное время. Теперь они были сестрами милосердия, и эту работу выполняли хорошо. Ольга и Татьяна стали сестрами милосердия с первых же дней войны. Ольге было тогда девятнадцать лет, Татьяне – семнадцать. Но Ольге эта работа была не по силам, через два месяца она уже не держалась на ногах; Татьяна же, казалось, была создана сестрой милосердия, она даже жаловалась, что ей, по молодости, не поручают самых тяжелых случаев. Если бы не война, жизнь этих детей текла бы по совершенно иному руслу...

Обычно, когда великая княжна достигала совершеннолетия, давали большой официальный бал. Такой бал был дан, когда Ольге исполнилось шестнадцать лет. Впервые на ней было длинное бальное платье и волосы ее были собраны в прическу. Весь дворец утопал в цветах, и двери его были широко открыты в южную ночь. В парке играл оркестр, и молодые великие княжны порхали, как мотыльки. В этот вечер нелегко было уложить их спать, они так любили музыку и танцы».

* * *

Еще одной обязанностью детей с малых лет было посещение церкви. Анна Тютчева отмечает, что даже трехлетние малыши императорских кровей вели себя во время длинной службы благонаравно, в отличие от многих придворных. «Я никогда не понимала, как удавалось внушить этим совсем маленьким детям чувство приличия, которого никогда нельзя было добиться от ребенка нашего круга. Однако не приходилось прибегать ни к каким мерам принуждения, чтобы приучить их к такому умению себя держать, оно воспринималось ими с воздухом, которым они дышали».

Такое же добросовестное отношение отмечает и «другая Тютчева» – Софья Ивановна. Она пишет о двенадцатилетней Ольге: «Хочу записать еще один случай, прекрасно характеризующий мою любимую воспитанницу Ольгу Николаевну. В торжественные дни обедню служили в церкви Большого Екатерининского дворца в Царском Селе. Дети стояли со мной на хорах. В день рождения государя, 6 мая, я приехала с девочками во дворец. Государя еще не было, и до его прихода служба не начиналась. Внизу, в церкви, собрались высокопоставленные лица, генералитет и придворные. Посмотрев на Ольгу Николаевну, я заметила, что она хмурится и выражает признаки недовольствия. „Что с вами, Ольга?“ – спросила я. „Я возмущаюсь, что все эти господа громко разговаривают в церкви, один только Петр Аркадьевич Столыпин да вот этот батюшка стоят как должно“, – ответила она. Я взглянула вниз. „Этот батюшка – епископ Арсений Новгородский“, – сказала я. „Так отчего же он их не остановит?“ – „Он не считает себя хозяином этой церкви, это дело настоятеля, протопресвитера Благовещенского“, – пояснила я. Ольгу Николаевну это не удовлетворило: „Батюшка Благовещенский сейчас в алтаре совершает проскомидию, к тому же он старенький и глухой. Это не потому,

Саванна, он просто боится. А когда придет папа, все сразу замолчат. А кто выше? Бог или папа? Ведь митрополит Филипп не боялся говорить правду самому Иоанну Грозному“. Эти слова девочки и удивили меня, и порадовали. После обедни я отвезла девочек домой, а сама вернулась в Екатерининский дворец, чтобы присутствовать на парадном завтраке. На лестнице я встретила епископа Арсения. „Вы не подозреваете, владыка, какой о вас был сегодня утром разговор“, – смеясь, сказала я ему. Он вопросительно на меня посмотрел. Тогда я передала ему слова Ольги Николаевны. Епископ задумался и промолвил: „Великая княжна права“».

* * *

Традицией также было назначение великих княжон шефами полков. Это подразумевало участие в официальных церемониях и парадах. На этих церемониях великие княжны переодевались в платья, стилизованные под форму полка. Великая княжна Ольга Николаевна вспоминает: «Когда я проснулась в день Нового года, мне принесли пакет, отправителем которого было Военное министерство. В нем было мое назначение шефом 3-го гусарского Елисаветградского полка. Я почти задушила Папа, устроившего этот сюрприз, в своих объятьях, и он, тронутый до слез, обнял меня. Я приказала запрячь сани и поехала в Крепость к Адени, чтобы поделиться с ней своей радостью. Потом дядя Михаил провел передо мной моих гусар в их чудесной белой форме с белым ментиком. Папа непременно хотел нарядить меня так же, включая расшитые чакчиры генерала. Я же протестовала против брюк, Папа настаивал на этом, и впервые в жизни он рассердился на меня. Наконец был найден выход: вышивка должна была быть нашита на мою верховую юбку; со всем же остальным, включая саблю, я согласилась. Папа представил меня разным лицам в форме моего полка и заказал для полка мой портрет в форме елисаветградских гусар. Уменьшенную копию портрета он сохранил для себя; она была его любимым портретом. И когда я покинула дом после моего замужества, Папа уже с ней не разлучался. Он выразил желание, чтобы я сочинила для моих гусар полковой марш. Я сейчас же взялась за это вместе с моим стареньким Бэлингом. Я напевала ему мотивы, и он записывал их, потому что я понятия не имела о теории композиции. Результатом был марш полка, который носит мое имя в России и который и сегодня еще играют в Штутгарте для моих драгун».

Дочери Николая II вел. кнж. Ольга и Татьяна в мундирных платьях

Полвека спустя при Николае II традиции остались теми же. Анна Вырубова пишет: «Когда Ольге исполнилось шестнадцать лет, она получила звание почетного командира гусарского полка, и на бал в Ливадии была приглашена делегация этого полка. Ольга была в восторге. Формой полка был светло-голубой мундир и красные бриджи. Командир полка генерал

Мартынов был замечательным красавцем – высокий, с большими усами. Ольга с увлечением танцевала с ним мазурку.

Позднее Татьяна также получила звание командира уланского полка. У обеих великих княжон была форма их полка, и, прекрасные наездницы, они красовались в ней на парадах».

Развлечения

Но не все было так мрачно в августейшем детстве. Кроме развлечений «на публику» были у детей и удовольствия для себя.

Конечно, игры и игрушки мальчиков и девочек различались. В царской семье всем детям с рождения были приписаны определенные роли, и игры, как и обучение, готовили детей к их исполнению.

М.А. Корф, биограф Николая I, пишет о детских играх будущего императора: «Оба они (великие князья Николай и Михаил. – *Е. П.*) одинаково сходились во вкусах ко всему военному, и нередко, утром, один из них шел будить другого, надев гренадерскую шапку и с алебардой на плече, для рапорта. Иногда же, подражая часовым, которых у них так много было перед глазами, они по целым часам стояли на часах, и даже, – сохранилось предание, – несмотря на строгий присмотр кавалеров, иногда по ночам вскакивали с постели, чтобы хоть немножко постоять на часах с алебардой или ружьем на плече.

С Анною Павловною игры были совершенно другие. Она более всего любила представлять императрицу. Братья устраивали карету из стульев, великая княжна садилась в нее, а они скакали по сторонам верхом, разумеется, на воображаемых конях, как бы конвоируя ее. После коронации Александра I у детей осталось в памяти воспоминание о тогдашних праздниках, и они часто представляли коронацию: императрицею была опять великая княжна, а императором всегда – Николай Павлович. Для этого они навешивали на себя все куски материй и платья, какие только можно было достать на половине великой княжны, для представления же бриллиантов, короны и проч. употребляли кусочки стекол в виде груш, ромбоидов и проч., которые, по тогдашней моде, бахромой привешивались под люстры в каждой комнате».

В игрушках царские дети не испытывали недостатка. Напротив, все люди, приближенные ко двору, прекрасно сознавали, что, сделав щедрый, выбранный с хорошим вкусом подарок детям, можно легко заслужить хорошее отношение родителей.

Вспоминает великая княжна Ольга Николаевна: «В память моего посещения монастыря в Новгороде игуменья Шишкина подарила мне крестьянскую избу, внутренность которой была из стекла, а мебель расшита цветным бисером. Кукла с десятью платьями, изготовленными монахинями, находилась в ней. Почти одновременно с этим подарком Рара подарил нам двухэтажный домик, который поставили в нашем детском зале. В нем не было крыши, чтобы можно было без опасности зажигать лампы и подсвечники. Этот домик мы любили больше всех остальных игрушек. Это было наше царство, в котором мы, сестры, могли укрываться с подругами. Туда я пряталась, если хотела быть одна, в то время как Мэри упражнялась на рояле, а Адини играла в какую-нибудь мною же придуманную игру».

В самом деле – любому ребенку требуется место, где он мог бы побыть один, и тем больше эта потребность, чем большая часть его жизни протекает на глазах других людей. Летом в Петергофе у детей была возможность обустроить себе более просторное царство, и родители, хорошо знавшие, что значит расти в царской семье, по возможности оберегали их покой.

«В то лето, когда у нас появился Мердер, Папа подарил нам остров около Петергофа – продолжает Ольга Николаевна. – Саша и товарищи его соорудили там дом из четырех комнат с салоном, мы таскали кирпичи и делали дорожки через кустарники, где до тех пор жили только одни кролики. Нам подарили лодки, для того чтобы мы научились грести. Матрос следил за нашей маленькой гаванью и учил нас морским обычаям. В кухне мы готовили настоящие обеды

– я сама умела только тереть корицу для молочной каши. Небольшое возвышение было названо „Мысом Доброго Саша“, в этом видели счастливое предзнаменование.

Наряду с очень строгим воспитанием, с другой стороны, нам предоставляли много свободы. Папа требовал строгого послушания, но разрешал нам удовольствия, свойственные нашему детскому возрасту, которые сам же любил украшать какими-нибудь неожиданными сюрпризами. Без шляп и перчаток мы имели право гулять по всей территории нашего Летнего дворца в Петергофе, где мы играли на своих детских площадках, прыгали через веревку, лазили по веревочным лестницам трапеций или же прыгали через заборы. Мэри, самая предприимчивая из нашей компании, придумывала постоянно новые игры, в то время как я, самая ловкая, их проводила в жизнь. По воскресеньям мы обедали на Сашиной молочной ферме со всеми нашими друзьями, гофмейстерами и гувернантками, за длинным столом до тридцати приборов. После обеда мы бежали на сеновал, прыгали там с балки на балку и играли в прятки в сене. Какое чудесное развлечение! Но графиня Виельгорская находила такие игры предосудительными, так же как и наше свободное обращение с мальчиками, которым мы говорили „ты“. Это было донесено Папе: он сказал: „Предоставьте детям забавы их возраста, достаточно рано им придется научиться обособленности от всех остальных“».

Царское Село. «Фермочка»

Когда у Александра появились собственные дети, он приказал архитектору И. Монигетти построить на Детском острове в Царском Селе для восьмилетней Марии Александровны детскую «Фермочку», состоявшую из двух изб, коровника и птичника.

Л.Н. Огородникова, бывшая соседкой императорской семьи в Павловске, пишет в мемуарах об императоре: «В своих разговорах государь часто упоминал о своих детях, особенно о своей дочери Маше (Ее императорское высочество великая княгиня Мария Александровна); рассказывал о ее хозяйничанье на собственной ферме в Царском, о ее письмах из-за границы и с пути, о присылке ею из Варшавы в письме цветов липы, которые, как она знала, государь очень любил, и т. д. Мы, с своей стороны, посвящали его во все подробности нашей детской жизни...»

Такие же фермы были в Петергофе и на Каменном острове.

Позже вдоль берега Детского острова проложили маленькую железную дорогу, сделали тоннели, мосты и шлабгаумы, проложили рельсы до причала на берегу. В Петергофе, рядом с Коттеджем, выстроили большую площадку для игр, где были батут, беговая дорожка «серпантин», качели, карусель, кегельбан, площадка для игр серсо и бадминтон и др. Были в Петергофе также детская мельница и детская пожарная каланча.

Маленькая подружка сыновей Александра II А.П. Бологовская вспоминает галерею Большого дворца в Царском Селе, где «были собраны всевозможные игрушки, начиная с простых и кончая самыми затейливыми, и нашему детскому воображению представлялся тут полный простор. Помню, как сейчас, длинную вереницу всяких экипажей, приводивших нас в неописуемый восторг».

А дочь Александра III Мария Александровна вспоминала уже галерею в Гатчинском дворце: «Как нам было весело! Китайская галерея была идеальным местом для игры в прятки! Мы частенько прятались за какую-нибудь китайскую вазу. Их было там так много, некоторые из них были вдвое больше нас. Думаю, цена их была огромна, но не помню случая, чтобы кто-нибудь из нас хотя бы что-нибудь сломал...»

* * *

Дети много времени проводили на свежем воздухе. Катались в колясках, позже – верхом, на велосипедах, на лодках, даже на аквапед – предшественнике водного велосипеда. Император Александр II был не только страстным охотником, но и удачливым грибником и часто брал с собой детей, отправляясь в лес.

Его сын Александр III также любил водить своих детей в лес. Вот еще один отрывок из воспоминаний Ольги Александровны о Гатчине: «Мы отправлялись в Зверинец – парк, где водились олени, – только мы трое и больше никого. Мы походили на трех медведей из русской сказки. Отец нес большую лопату, Михаил поменьше, а я совсем крохотную. У каждого из нас был также топорик, фонарь и яблоко. Если дело происходило зимой, то отец учил нас, как аккуратно расчистить дорожку, как срубить засохшее дерево. Он научил нас с Михаилом, как надо разводить костер. Наконец мы пекли на костре яблоки, заливали костер и при свете фонарей находили дорогу домой. Летом отец учил нас читать следы животных. Часто мы приходили к какому-нибудь озеру, и Папа учил нас грести. Ему так хотелось, чтобы мы научились читать книгу природы так же легко, как это умел делать он сам. Те дневные прогулки были самыми дорогими для нас уроками».

Александр также приохотил семью к рыбной ловле. Младшая сестра Ольги Ксения как-то записала в своем дневнике: «Мама и я пошли в Адмиралтейство, где сначала кормили уток, а потом, забрав матроса и удочки, отправились на „Моя“ (шлюпка „Моя-моя“) под большой мост около Зверинца, где высадились и стали ловить рыбу! Чрезвычайно увлекательно! Мама ловила все окуней, а я плотву, и наловила очень много, что меня обидело».

Зимой дети катались на санях и с террас Гатчинского дворца – на салазках. Играли в снежки и лепили огромную снежную бабу – на работу у всей семьи, включая императора, уходило несколько дней. Катались также на коньках – на катках в Таврическом и Аничковом саду.

Также весело развлекались дети Николая II, но уже не в Гатчине, а в Царском Селе. Вот что пишет Софья Тютчева: «В Царском Селе девочки любили кататься на коньках и спускаться с ледяной горы, которая была устроена для них в Александровском парке. В это время на прогулку обыкновенно выходил и государь, который очень любил расчищать дорожки от снега. Как-то раз, проходя неподалеку от катка, я увидела государя за этой работой. Но он был так ею увлечен, что не заметил меня и высморкался по-русски – в пальцы. Увидев меня, он смутился и сказал: „Как вы думаете, Софья Ивановна, хорошим бы я мог быть дворником?“ Вообще

государь очень любил всяческие физические упражнения. Он говорил, что это для него лучший отдых после занятий государственными делами.

Николай II с дочерьми на байдарках

Весной, как только вскрывался лед на каналах в Александровском парке, государь и дети вооружались баграми и шли вылавливать льдины. В этом занятии принимал участие и весь персонал детской половины с дядькой наследника, матросом Деревенко во главе. Не отставала от них, конечно, и я, причем неоднократно получала одобрение государя. Он говорил: „Видно, что вы много жили в деревне“. Наследник бегал по берегу и громко выражал свою радость при каждом всплеске воды. Вообще, сколько здесь было шума и веселья! До сих пор вспоминаю с удовольствием об этом времени. Забрызганные водой, покрасневшиеся, веселые, возвращались дети домой. Когда же каналы окончательно освобождались ото льда, представлялось новое удовольствие: на воду спускались байдарки, и государь с детьми, чаще всего с наследником, катались по каналам, причем государь всегда греб сам. Иногда за ним следовала целая „флотилия“: в одной байдарке – две старшие девочки со мной (гребли мы по очереди), в другой – две младшие с матросом Деревенко».

* * *

Еще со времен детства Николая I во дворце появился обычай приглашать детей высшего дворянства для игр с императорскими детьми. Так, упоминавшаяся выше Юлия Баранова, в бытность свою Юлией Адлерберг, была подружкой великой княжны Анны Павловны.

Ольга Александровна также вспоминает своих маленьких товарищей по играм. «Для маленьких Ольги и Миши воскресенье было радостным днем. В этот день им разрешалось приглашать к себе в гости детей из знатных семейств, – пишет ее биограф Йен Воррес. – Те приезжали из Петербурга на поезде, чтобы напиться чаю и поиграть с Царскими детьми пару часов. В дальней части дворца для юных гостей было отведено тринадцать комнат, являвшихся частью апартаментов Императора Павла I.

– Однажды один из моих самых любимых товарищей по играм, сынишка графа Шереметева (Шереметьев – существует два варианта написания этой фамилии. – *Е. П.*), погибшего в Борках, где-то раздобыл медвежью шкуру – с головой, лапами, с когтями и прочим. Напялив ее на себя, он стал на четвереньках ползать по коридорам дворца, издавая при этом грозное рычание. Старик Филипп, работавший на кухне, неожиданно наткнулся на страшного „зверя“. Похолодев от страха, бедняга вскочил на один из длинных столов, стоявших вдоль коридора, и бросился бежать с криком: „Господь Всемогуший, во дворце медведь! Помогите!“ Мы так испугались, что Мама может узнать об этой проделке!»

Компанию детям часто составляли и ручные животные. Как правило, это были собаки, но у детей Александра III был ручной волчонок (разумеется, его держали не во дворце, а в парке) и заяц Куку.

По воспоминаниям Ольги Александровны, во время путешествий на яхте «Держава» в Данию к родителям Марии Федоровны детям «...разрешали брать с собой некоторых своих домашних животных, но только не зайца Куку и не волчонка, которые были еще слишком дикими. И все равно яхта походила на Ноев ковчег. На борту судна находилась даже корова. Путешествие продолжалось ровно трое суток, и Мама считала, что без свежего молока никак нельзя обойтись».

В Александровском парке был зверинец, где со времен Николая I и вплоть до 1917 года содержали слонов и лам. Дети любили наблюдать за их купанием.

* * *

Особыми праздниками являлись Рождество и Новый год. Обычай наряжать на Новый год елку привезла в Россию жена императора Павла Мария Федоровна.

В 1818 году она устроила елку в Москве, а на следующий год – в петербургском Аничковом дворце. На Рождество 1828 года организовали первый праздник «детской елки» в Зимнем дворце для пяти императорских детей и дочерей великого князя Михаила Павловича. Елка была установлена в Большой столовой дворца.

Вот что пишет Мария Фредерикс, побывавшая девочкой на елках, устроенных для детей Николая I.

«Накануне Рождества Христова, в сочельник после всенощной, у императрицы была всегда елка для ее августейших детей, и вся свита приглашалась на этот семейный праздник. Государь и царские дети имели каждый свой стол с елкой, украшенной разными подарками, а когда кончалась раздача подарков самой императрицей, тогда выходили в другую залу, где был приготовлен большой длинный стол, украшенный разными фарфоровыми изящными вещами с императорской Александровской мануфактуры. Тут разыгрывалась лотерея между всей свитой, государь обыкновенно выкрикивал карту, выигравший подходил к ее величеству и получал свой выигрыш-подарок из ее рук.

С тех пор, что я себя помню, с моих самых юных лет, я всегда присутствовала на этой елке и имела тоже свой стол, свою елку и свои подарки. Эти подарки состояли из разных вещей соответственно летам; в детстве мы получали игрушки, в юношестве – книги, платья, серебро; позже – брильянты и т. п. У меня еще до сих пор хранится с одной из царских елок: письменный стол со стулом к нему, на коем и сижу в эту минуту; сочинения Пушкина и Жуковского,

серебро и разные другие вещи. Елку со всеми подарками мне потом привозили домой, и я долго потешалась и угощалась с нее.

Нас всегда собирали сперва во внутренние покои ее величества; там мы около закрытых дверей концертного зала или ротонды в Зимнем дворце, в которых обыкновенно происходила елка, боролись и толкались, все дети между собою, царские включительно, кто первый попадет в заветный зал. Императрица уходила вперед, чтобы осмотреть еще раз все столы, а у нас так и билось сердце радостью и любопытством ожидания. Вдруг слышался звонок, двери растворялись, и мы вбегали с шумом и гамом в освещенный тысячью свечами зал. Императрица сама каждого подводила к назначенному столу и давала подарки. Можно себе представить, сколько радости, удовольствия и благодарности изливалось в эту минуту. Так все было мило, просто, сердечно, несмотря на то что было в присутствии государя и императрицы; но они умели, как никто, своей добротой и лаской удалять всякую натянутость этикета. Более полвека теперь прошло, много воды утекло, а как представится это счастливое прошлое, невольно слезы навертываются на глаза».

24 декабря 1855 года Анна Тютчева записывает в дневнике: «Была особая елка для императрицы, елка для императора, елка для каждого из детей императора и елка для каждого из детей великого князя Константина. Словом, целый лес елок. Весь большой Золотой зал был превращен в выставку игрушек и всевозможных прелестных вещиц. Императрица получила бесконечное количество браслетов... образа, платья и т. д. Император получил от императрицы несколько дюжин рубашек и платков, мундир, картины и рисунки».

Запомнились рождественские праздники и Ольге Александровне. Йен Воррес с ее слов рассказывает: «За несколько недель до Рождества во дворце начиналась суматоха; прибывали посыльные с какими-то пакетами, садовники несли многочисленные елки, повара сбивались с ног. Даже личный кабинет Императора был завален пакетами, на которые Ольге и Мише было запрещено смотреть. В тесной кухне в задней части детских апартаментов миссис Франклин священнодействовала, готовя сливовые пудинги. Такое блюдо без труда могли бы приготовить и повара, но миссис Франклин и слышать не хотела о том, чтобы переложить эту обязанность на чужие плечи.

К Сочельнику все уже было готово. Пополудни во дворце наступало всеобщее затишье. Все русские слуги стояли возле окон, ожидая появления первой звезды. В шесть часов начинали звонить колокола Гатчинской дворцовой церкви, созывая верующих к вечерне. После службы устраивался семейный обед.

– Обедали мы в комнате рядом с банкетным залом. Двери зала были закрыты, перед ними стояли на часах казаки Конвоя. Есть нам совсем не хотелось – так мы были возбуждены – и как же трудно нам было молчать! Я сидела, уставясь на свой нож и вилку, и мысленно разговаривала с ними. Все мы, даже Ники, которому тогда уже перевалило за двадцать, ждали лишь одного – когда же уберут никому не нужный десерт, а родители встанут из-за стола и отправятся в банкетный зал.

Но и дети, и все остальные должны были ждать, пока Император не позвонит в колокольчик. И тут, забыв про этикет и всякую чинность, все бросались к дверям банкетного зала. Двери распахивались настежь, и „мы оказывались в волшебном царстве“.

Весь зал был уставлен рождественскими елками, сверкающими разноцветными свечами и увешанными позолоченными и посеребренными фруктами и елочными украшениями. Ничего удивительного! Шесть елок предназначались для семьи и гораздо больше – для родственников и придворного штата. Возле каждой елки стоял маленький столик, покрытый белой скатертью и уставленный подарками.

В этот праздник даже Императрица не возмущалась суматохой и толкотней. После веселых минут, проведенных в банкетном зале, пили чай, пели традиционные песни. Около полуночи приходила миссис Франклин и уводила не успевших прийти в себя детей назад в детские.

Три дня спустя елки нужно было убирать из дворца. Дети занимались этим сами. В банкетный зал приходили слуги вместе со своими семьями, а Царские дети, вооруженные ножницами, взбирались на стремянки и снимали с елей все до последнего украшения. Все изящные, похожие на тюльпаны подсвечники и великолепные украшения, многие из них были изготовлены Боленом и Пето, раздавались слугам. До чего же они были счастливы, до чего же были счастливы и мы, доставив им такую радость!»

Подарки для родителей дети готовили своими руками.

Замужество

Следующим этапом в жизни великих княжон было семнадцатилетие, когда заканчивалось их воспитание и они получали собственные покои и собственных фрейлин. Теперь они были готовы сыграть свою роль в политической пьесе, называемой «Союз двух правящих домов».

Павел I выдал двух старших дочерей в один день. Александру – за Иосифа Антона Иоганна Габсбург-Лотарингского, эрцгерцога Австрийского и палатина Венгерского; Елену – за наследного герцога Мекленбург-Шверинского. И если в Мекленбурге русская княжна могла пожаловаться разве что на скромность обстановки, то Александре пришлось по-настоящему тяжело. Старший брат Иосифа и его жена были предубеждены против Александры из-за старых семейных распрей, кроме того, они убеждали ее сменить веру и перейти в католичество. По словам духовника палатины Андрея Самборского: «После сего возгорелось против невинной жертвы непримиримое мщение; после сего не нужно вычислять всех неприятностей, которыми нарушалось душевное спокойствие ее высочества... Одна только дама между всеми непрестанно внушала, дабы великая княгиня всемерно старалась показать свою любовь супругу в высочайшей степени, и таким образом, возобладав над его сердцем, располагала бы его мыслями по своему желанию. Не по чистой совести и сия дама таковые советы внушала, но с той целью, чтобы некоторые политики, чрез посредство ее высочества, могли действовать на палатина, который против них был весьма скрытен и не согласен с их планами». Когда палатина забеременела, врач, приставленный к ней по приказу императрицы, «более искусен был в интригах, нежели в медицине, а притом в обхождении был груб». Александра умерла в родах, умер и ее новорожденный ребенок. Через два года скончалась и ее сестра Елена. Ей было всего восемнадцать лет, и она родила двоих детей за три года, что сильно истощило ее организм.

Летом 1807 года, во время встречи Александра I и Наполеона в Тильзите, министр иностранных дел Франции Талейран по поручению своего императора начал вести переговоры о браке Наполеона с третьей дочерью Павла – Екатериной. Однако великую княжну такой брак вовсе не прельщал. По свидетельству фрейлины М.С. Мухановой, Екатерина Павловна заявила брату: «Я скорее выйду замуж за последнего русского истопника, чем за этого корсиканца». Александр был с нею согласен, и Екатерину Павловну поторопились выдать замуж за принца Георга Ольденбургского, нашедшего приют при дворе русского императора, после того как герцогство Ольденбургское в 1808 году было аннексировано Наполеоном. Супруги поселились в Петербурге в Аничковом дворце, позже переехали в Тверь. Они прожили вместе три года, и Георг не только показал себя деятельным и хозяйственным губернатором Твери, но и издал сборник стихотворений под названием «Поэтические попытки», украшенный рисунками и арабесками работы Екатерины Павловны. В 1816 году Екатерина вступила во второй брак с наследным принцем вюртембергским Вильгельмом, в том же году взошедшим на престол. Самая младшая сестра Анна была без всяких приключений выдана за принца Оранского, впоследствии короля нидерландского Виллема II.

* * *

Русские великие княжны являлись завидными невестами – Россия была одной из могущественнейших и богатейших держав Европы. Но от них требовался особый склад характера: они должны были одновременно оставаться совершенно невинными и управлять своим сердцем с расчетливостью зрелых, хорошо знающих жизнь женщин.

Вел. кнж. Ольга Николаевна

Разумеется, это им редко удавалось, и «старшие» сурово их отчитывали. Рассказывает Ольга Николаевна: «Наша тетя Елена (жена Великого князя Михаила Павловича) находила, что мы живем слишком замкнуто среди одинаково мыслящих, ни одна новая идея не проникает к нам, и нас нужно бы несколько встряхнуть в нашем девичьем спокойствии. В один прекрасный день она услышала, как мы поем припев одного романса о том, что только озаренный любовью день прекрасен, и спросила нас, понимаем ли мы смысл этих слов. Последовали один за другим вопросы, из которых стало ясно, насколько мы слепы и далеки от жизни. Приобщением к светской жизни, конечно, я обязана ей. Она приезжала за мною, чтобы взять на свои вечера, на которые приглашали массу молодежи; в Михайловском дворце устраивались живые картины, в

которых должна была принимать участие и я, и однажды меня пригласили на несколько часов на Елагин остров. Там я произвела, как мне потом говорили, впечатление вспугнутой лани. В фейерверке игривых слов, галантных шуток и ничего не значащей болтовни, как это принято молодежью в обществе, я чувствовала себя вначале потерянной. Это была атмосфера, полная магнетической силы, свойственной молодежи, и в конце концов и я подпала под ее влияние. Я поймала на себе взгляд, который уже сопровождал меня в обществе тети Елены. Прежде чем я успела что-то понять, этот взгляд уже заглянул в мою душу. Я не могу передать того, что я пережила тогда: сначала испуг, потом удовлетворение и, наконец, радость и веселье. По дороге домой я была очень разговорчива и необычайно откровенна и рассказала Анне Алексеевне обо всех моих впечатлениях. Она стала моей поверенной, и ни одного чувства я не скрыла от нее. Я вспоминаю еще сегодня, как она спросила меня: „Нравится он Вам?“ – „Я не знаю, – ответила я, – но я нравлюсь ему“. – „Что же это значит?“ – „Мне это доставляет удовольствие“. – „Знаете ли Вы, что это ведет к кокетству и что это значит?“ – „Нет“. – „Из кокетства развивается интерес, из последнего – внимание и чувство, с чувством же вся будущность может пошатнуться; Вы знаете прекрасно, что замужество с неравным для Вас невозможно. Если же Вам подобное „доставляет удовольствие“, то это опасное удовольствие, которое не может хорошо кончиться. О Вас начнут сплетничать, репутация молодой девушки в Вашем положении очень чувствительна; не преминут задеть насмешкой и того, кто стоит над Вами. Помните это всегда!“».

Наперсницами великих княжон часто становились фрейлины и сестры. Так, Ольга Николаевна мечтала о замужестве вместе со своей сестрой Александрой (Адини).

«Мы много говорили с ней, особенно о будущем, так как мы были еще очень молоды, чтобы говорить о прошлом. Чаще всего речь шла о наших будущих детях, которых мы уже страстно любили и верили, что внушим им уважение ко всему прекрасному и прежде всего к предкам и их делам и привьем им любовь и преданность семье. Наши будущие мужья не занимали нас совершенно, было достаточно, что они представлялись нам безупречными и исполненными благородства».

Первой из дочерей Николая I вышла замуж старшая, Мария. Она не захотела покидать Россию и выбрала в мужа Максимилиана Лейхтенбергского, который согласился приехать на родину жены и служить в российской армии.

Свадьба была пышной, обстановка, окружавшая молодую чету, – великолепной. Ольга Николаевна пишет: «Приданое Мэри было выставлено в трех залах Зимнего дворца: целые батареи фарфора, стекла, серебра, столовое белье, словом, все, что нужно для стола, в одном зале; в другом – серебряные и золотые принадлежности туалета, белье, шубы, кружева, платья, и в третьем зале – русские костюмы, в количестве двенадцати, и между ними – подвенечное платье, воскресный туалет, так же как и парадные платья со всеми к ним полагающимися драгоценностями, которые были выставлены в стеклянных шкафах: ожерелья из сапфиров и изумрудов, драгоценности из бирюзы и рубинов. От Макса она получила шесть рядов самого отборного жемчуга. Кроме этого приданого, Мэри получила от Папы дворец (который был освящен только в 1844 году) (Мариинский дворец на Исаакиевской площади. – *Е. П.*) и прелестную усадьбу Сергиевское, лежавшую по Петергофскому шоссе и купленную у Нарышкиных... В пурпурной императорской мантии, отделанной горностаем, Мэри выглядела невыгодно: она совершенно скрывала тонкую фигуру, и корона Великой княжны тяжело лежала на ее лбу и не шла к ее тонкому личику. Но его выражение было приветливым, даже веселым, а не сосредоточенным, как то полагалось. В браке она видела освобождение от девичества, а не ответственность и обязанности, которые она принимала на себя».

Но жизнь на чужбине была тяжела для Максимилиана. Его плохо приняли в царской семье, из-за того что он состоял в родстве с Наполеоном и исповедовал католичество, и при дворе у него было множество недоброжелателей. Анна Тютчева, описывая свой визит в Мариинский дворец, пишет: «...Я отправилась к великой княгине Марии Николаевне, которой была

обязана своим назначением ко двору. Я застала ее в роскошном зимнем саду, окруженной экзотическими растениями, фонтанами, водопадами и птицами, настоящим миражом весны среди январских морозов. Дворец великой княгини Марии Николаевны был поистине волшебным замком, благодаря щедрости императора Николая к своей любимой дочери и вкусу самой великой княгини, сумевшей подчинить богатство и роскошь, которыми она была окружена, разнообразию своего художественного воображения. Это была, несомненно, богатая и щедро одаренная натура, соединявшая с поразительной красотой тонкий ум, приветливый характер и превосходное сердце, но ей недоставало возвышенных идеалов, духовных и умственных интересов. К несчастью, она была выдана замуж в возрасте 17 лет за принца Лейхтенбергского, сына Евгения Богарнэ, красивого малого, кутилу и игрока, который, чтобы пользоваться большей свободой в собственном разврате, постарался деморализовать свою молодую жену.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.